

"Варвар (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

1.

Если бы Филиппа Тьена спросили, какой день в его жизни можно считать самым кошмарным, он не размышлял бы ни мгновения: пимпренель Пятого года Третьего столетия Космической эры. Или, говоря по-простому, нониди второй декады флореаля.

Именно в полдень этого ужасного дня орбитальный челнок галактического крейсера «Шандиан» мягко приземлился на первом и единственном космодроме планеты Варгар. Филипп откинул тяжелую крышку противоперегрузочного саркофага, приподнялся на подрагивающих от волнения ногах и первым делом заставил посветлеть защитную пластину иллюминатора.

Все, как ему и рассказывали: выжженная до каменной твердости земля космодрома, голубые горы на горизонте с шапками ослепительно-белых ледников, а между космодромом и горами — бескрайний, невыносимо живой и зеленый лес.

— Охренеть, — коротко выразил свои чувства Филипп и повернулся к первому советнику Миссии. — Это здесь везде так?

— Почти, — Патрик Дюваль пригладил растрепавшиеся волосы, одернул строгую серую униформу посланника. — А что вы хотели, Филипп? Средневековье, дикость. Нам понадобилось семьдесят лет, чтобы убедить варгарцев в нашем человеческом происхождении. И еще почти столько же, чтобы внедрить некоторые наши технологии. Но здесь отсутствует промышленность, сельское хозяйство на примитивном уровне, тотальная диктатура континентального правительства в центре и постоянные феодальные войны в дальних провинциях. Так что не ждите электронных слуг, субмолекулярных обедов и гидрогелевых омолаживающих бассейнов. Все проще: местные девки в качестве прислуги, жареное на углях в условиях полной антисанитарии мясо и выдолбленные из каменного дерева ванны, куда таскают подогретую на костре воду. Ведрами, Филипп! Кстати, я надеюсь, вы сделали все полагающиеся прививки? Здесь имеется несколько очень неприятных заболеваний.

— Разумеется, Патрик, — Филипп нетерпеливо мотнул головой. — Мне говорили, в столице есть роскошные лупанарии...

— Да, тут варгарцы на высоте, — Дюваль усмехнулся. — Культ плотских удовольствий. Масса самых разнообразных вин, естественных наркотиков на все случаи жизни — от сражения до секса, ну и сам секс, собственно говоря. Я вам очень советую, пока мы будем добираться до Нароби, внимательно ознакомиться с методическим пособием. Здесь многое можно, именно поэтому на Варгар не пускают туристов и любопытствующих — слишком велико искушение забыть о разнице цивилизаций и впасть в полуживотное состояние. Но здесь также существуют очень серьезные табу. И если скотскую пьянку и многодневный разврат вам снисходительно простят, то нарушение правил может оказаться чревато множеством неприятностей вплоть до полного разрыва отношений между Унией и Варгаром. А вы сами понимаете, чем грозит прекращение поставок солара. Мы только-только начинаем использовать все его свойства, и они поистине уникальны. Ученые прогнозируют практически удвоение средней продолжительности жизни, полный отказ от трансплантации выращенных или синтетических органов, победу над генетическими заболеваниями...

— И нахрена? — Филипп помахал перед носом советника методичкой. — Мы и так не знаем, куда девать людишек. Миры Унии перенаселены, а желающих записаться в колонисты и осваивать какую-нибудь заросшую джунглями планету у черта на рогах находится не так уж много. Все рассчитывают явиться на готовенькое: к теплым сортирам, биодомам и

геликоптерам на заднем дворе. Никто не хочет копаться в дерьме и чесаться от гноса. Зачем им такой подарок — непрошибаемое здоровье и двести лет активной жизни? Они со своими ста не знают, что делать.

— Кто вам сказал, Филипп, что это для всех? — Дюваль тонко улыбнулся. — На всех миллиардов не заработать. Для всех нужно выпускать много и дешево. А принцип Immortality Corp. — мало и очень дорого, очень. Ваша семья уже полтора столетия спонсирует все экспедиции на Варгар, все разработки, касающиеся солара. Если бы не Тьены, на орбитальном маяке давным-давно был бы установлен сигнал, запрещающий крейсерам входить в эту систему и вмешиваться в развитие цивилизации, отстающей от нас на тысячелетия. И если бы не ваш отец, вы никогда не оказались бы здесь в качестве почетного гостя на церемонии подписания третьего двадцатилетнего договора о двустороннем сотрудничестве между правителями Нароби и представителями Immortality Corp.

— А что они получают взамен? — поинтересовался Филипп, когда геликоптер взмыл над космодромом и взял курс в сторону гор. — Мы получаем солар, а эти дикари?

— Кое-что не менее важное для них, чем универсальный эликсир жизни — для нас, — Дюваль вытащил из кармана Филиппа брошюру и бросил ее Тьену на колени. — Настоятельно прошу: ознакомьтесь. Вы пробудете здесь какую-то неделю, но иногда и мгновения достаточно, чтобы совершить непоправимое. Вы же не хотите, допустим, оказаться на колу только за то, что ущипнули за задницу приглянувшуюся девчонку? А между тем подобные знаки внимания здесь допустимы или в отношении женщин семьи, или в лупанарии. Или на войне — но там царят другие законы. А обычная горожанка поднимет крик и вызовет стражу.

— У меня дипломатическая неприкосновенность! — возмутился Филипп. — Что за преступление — ущипнуть за задницу? Херня какая-то.

— А это вы в местном суде будете рассказывать, — Дюваль отвернулся. — Не ленитесь, Филипп. Каких-то двадцать страниц.

Разумеется, читать методическое пособие Тьену быстро наскучило. Он с детства не терпел никаких правил. Впрочем, имея для этого все основания: единственный прямой наследник владельца гигантской корпорации, державшей восемьдесят процентов здравоохранения Унии — Союза колонизированных планет Солнечной системы и Земли, — Филипп родился и вырос на Луне. В ее единственном мегаполисе, собравшем под искусственное небо спутника всю элиту Унии — около восьми тысяч семей, контролировавших экономику, политику, культуру, науку, моду и вообще все, что только можно себе представить. До двадцати лет в словарном запасе Филиппа отсутствовало слово «нельзя», хотя потом ему все же пришлось его выучить. Но и в нынешние двадцать три недоступного для Филиппа Тьена оставалось мало. Так что когда четыре месяца назад он заявил отцу, что хочет наконец-то побывать на первобытном и столь притягательном Варгаре, Батист Тьен не смог отказать. Тем более после того, как выяснилось, что сыновья Мартина Штерна и Клауса Петерсона побывали на Варгаре с недельным ознакомительным визитом еще в прошлом году.

Собственно говоря, они и соблазнили Филиппа рассказами о варварских лупанариях, страстных аборигенках и некоторых занятных представителях флоры Варгара, способных вызвать потрясающие по силе и реальности галлюцинации после пары затяжек.

Так что глаза в окно геликоптера, летевшего над раскидистыми кронами каких-то могучих деревьев, Филипп думал отнюдь не о правилах и законах, а о том, чем удивят его местные шлюхи. Сам он считал, что это невозможно, но, вероятно, здесь имелись в запасе какие-то

специфически варварские штучки, если Вилли Штерн даже спустя год пускал слюни при одном только упоминании о Варгаре.

Лес закончился внезапно — просто оборвался на берегу широкой реки, ослепительно блестящей под солнцем. И сразу за рекой Филипп увидел аккуратные прямоугольники полей, квадраты садов и крытые ярко-красной черепицей аккуратные домики. Это было необычно и непривычно. Если леса на Земле еще существовали, строго охраняемые суровыми законами, то патриархальных деревень не осталось и в помине. Синтетическая пища тысячелетие назад уничтожила сельское хозяйство, основательно загрязненный промышленностью воздух заставил население переместиться в города, прикрытые специальными куполами, играющими роль воздушных и солнечных фильтров. Ну а на Луне деревень не существовало изначально, равно как и на Марсе, Меркурии, Венере и на плотно заселенных спутниках Юпитера. Что касалось колоний землян, расположенных в иных звездных системах, то там Филипп никогда не бывал. Его не прельщали трудности и их преодоление.

Разглядывая мелькающие внизу домишки, дороги и спешащих куда-то людей, Филипп пропустил момент, когда вертолет развернулся, на время зависнув боком к огромной крепости. Зрелище открылось грандиозное, и Тьен прилип к иллюминатору, стараясь запомнить все подробности.

Гигантская крепость, казалось, выростала из скалы. На широких уступах ниже мощной стены зеленели сады, то тут, то там разрезанные искрящимися лентами водопадов. Ветер рвал с флажштоков узкие флаги бирюзового и желтого цветов. Вертолет поднялся выше, и взгляду потрясенного Филиппа открылся огромный город. Дома, запруженные людьми улицы, всадники на странного вида животных, парки и пруды, а в центре этого варварского великолепия — сияющий золотыми и голубыми куполами белоснежный дворец, изящный и в то же время величественный.

— Как? — Филипп развернулся к довольно хмыкнувшему Дювалю. — С их уровнем развития?

— Ну, если верить хроникам варгарцев, Нароби строился почти четыреста лет. И вот уже триста существует в своем нынешнем виде. Не забывайте, Филипп: это столица всей планеты, здесь находится верховное правительство континента. Замки окраинных вассалов много мельче, проще и беднее. Поверьте на слово. Представители Миссии много где побывали — в большинстве местных феодальных общин обычная дикость и невежество. Но Нароби — истинная драгоценность, зримый плод человеческого гения.

Миссия землян располагалась в трехэтажном каменном здании, стоящем в глубине дворцового парка. Наскоро ознакомившись со своими апартаментами, Филипп переоделся в более подходящий жаркому дню костюм — открывающая шею и руки легкая короткая туника и свободные светлые брюки, — ухватил с подноса какой-то ярко-оранжевый фрукт, брызнувший приторно-сладким прозрачным соком, и вышел в парк.

Дюваль объяснил ему, что земляне пользуются полной свободой передвижения в столице, но без знающего топографию города сопровождающего за пределы дворца пока лучше не выходить. И хотя Филиппа грызло нетерпение, он все же решил отложить экскурсию по значным местам Нароби до завтрашнего дня. Вечером планировалось торжественное подписание договора, затем прием и ужин, и пропускать все это, заблудившись в каменных лабиринтах столицы, не хотелось.

Вдоволь нагулявшись по дорожкам и тропинкам парка, налюбовавшись обнаженными

статуями, наудивлявшись причудливым цветам на газонах и клумбах и диковинным рыбам в прудах, Филипп присел на каменную скамейку в тени какого-то дерева, чьи ветви сгибались под тяжестью темно-коричневых, собранных в грозди плодов. Протянув руку, Тьен легко оборвал одну гроздь и уже собрался было надкусить плод, когда за спиной раздался негромкий голос.

— Не думаю, что тебе понравится его вкус. Лабиллия созреет к концу сезона дождей. Хотя некоторые ценители считают, что только недозрелой она обладает максимумом оттенков вкуса.

Филипп обернулся. За его спиной — буквально в двух шагах — стоял высокий молодой парень. Из одежды на нем были только брюки и нечто, напоминавшее сеть с дыркой для головы, схваченную с боков серебристыми зажимами. В светло-желтых волосах, небрежно падавших на плечи, отчетливо выделялись две угольно-черные пряди. Темно-карие, почти черные глаза, прямой нос, высокие скулы. Тонкие губы и неожиданно мягкая линия подбородка. А в довершение картины — сильное тело с прекрасно и гармонично развитой мускулатурой, равномерно-золотистое от загара.

— Ты говоришь на космолингве? — потрясенно спросил Филипп, пытаясь понять, откуда явился этот странный тип. Его совершенно точно не было поблизости в тот момент, когда Тьен плюхнулся на скамейку передохнуть.

— Мы учим этот язык с детства, — парень пожал плечами. — С того самого времени, как был подписан первый договор между Варгаром и Унией Солнца.

— Мы?

— Члены правящей семьи, — парень приблизился и забрал из пальцев Филиппа позабытый фрукт. — Мое имя Илмари, я второй сын правителя Нароби. А кто ты? Я не видел тебя раньше в Миссии Унии.

— Я только сегодня прилетел, — пробормотал Филипп. — На экскурсию типа. Ну, отдохнуть, погулять, посетить интересные места... Меня зовут Филипп Тьен.

Илмари еле заметно улыбнулся.

— В столице много... интересных мест. Но в одиночку там лучше не появляться. Стража не всегда успевает, когда нужно. Впрочем, я могу составить компанию, если ты не возражаешь. Но только не сегодня.

— Разумеется! — Филипп энергично покивал. — Сегодня же праздник.

— Да, — Илмари еле заметно поморщился. — Честно признаться, не люблю дворцовые сборища. Сначала все чинно и прилично, а потом...

— Что — потом? — с любопытством спросил Филипп, уже представляя себе что-то вроде Оргий полной Земли, которые время от времени устраивала золотая молодежь Луна-сити.

— Да ерунда всякая, — Илмари снова поморщился. — По всем углам валяются пьяные, везде пролитый жир, кости на полу, шкурки. Никто не в состоянии даже круга в танце пройти... Знаешь, я всегда предпочитал этому честные развлечения за деньги. Во всяком случае, в лупанарии чище. Ты ездил когда-нибудь на зарге?

— Я даже не знаю, что это, — ухмыльнулся Филипп.

— А, ну да, — Илмари улыбнулся. — Это животное. Я сел на зарга почти сразу после того, как научился ходить. Конечно, это была карликовая порода — для взрослого я был слишком мал. Хочешь покататься?

Естественно, Филипп согласился. Новый знакомый оказался исключительно приятным человеком — в нем не было ничего, что Тьен мог бы назвать варварским, разве что движения — неожиданно быстрые и резкие. При этом Илмари был грациозен. Глядя на него, Филипп думал, что второй сын правителя безумно похож на героя исторических виженов, которые он с таким удовольствием смотрел в детстве. Илмари легко можно было представить с копьем и щитом. Или с мечом. Отбивающимся от толпы злобных сарацинов. Или похищающим прекрасную девушку из-под носа огнедышащего дракона. Или ведущим в бой войско таких же сильных и гордых рыцарей.

Через два часа прогулки на зарге, оказавшемся похожим на земную лошадь, но со спиралевидными толстыми рогами, надежно защищавшими голову животного с двух сторон, Филипп уже был уверен, что не встречал в своей жизни более приятного и интересного собеседника, чем Илмари. Разница в уровне цивилизаций как-то очень быстро забылась — Тьен любовался свободной посадкой, отточенными движениями, прекрасной фигурой и искренне думал, что у аборигенов Варгара не зазорно кое-чему и поучиться. Например, вот этой открытости и искренности. А уж жизнь — естественная, на природе — и вовсе покорила Филиппа. Илмари небрежно срывал с фруктовых деревьев какие-то плоды, на ходу протягивал их гостю, и Тьен упивался натуральной, а не синтетической сладостью, пряностью и необычностью вкусов.

Впрочем, он обратил внимание, что некоторые деревья росли в каких-то ажурных клетках. Висевшие на них фрукты золотились в солнечных лучах, словно бы светясь изнутри. Остановив зарга около одного такого дерева, Филипп попытался дотянуться до ветки, но Илмари проворно перехватил его запястье.

— Ни в коем случае, Филипп!

— Табу? — Тьен припомнил слова Дюваля.

— Не совсем, — Илмари еле заметно улыбнулся. — Скорее, традиция. Плоды наргари едят только вдвоем, только после захода солнца и только с тем человеком, который нравится.

— Не понял, — Филипп наклонился к решетке, рассматривая таинственный фрукт. — А в одиночку угоститься нельзя?

— Нельзя. Даже мы не можем позволить себе наслаждаться их вкусом просто так, — Илмари рассмеялся. — Но я обещаю, что упрошу отца подарить тебе несколько штук. За пределами Варгара никакие традиции не действуют.

В комнаты Филипп вернулся в полном упоении от прогулки и Илмари, которого уже был готов назвать своим другом. Он всегда легко попадал под обаяние новых людей, чаще всего быстро разочаровывался, нередко записывал бывших случайных друзей в смертельные враги и мгновенно об этом забывал. Свойственная ему легкомысленность пока еще ни разу не сыграла с ним злую шутку, но это объяснялось, скорее, высочайшим положением его семьи, с которой мало кто рискнул бы связываться, чем природным везением. Однако Филипп над положением дел задумывался редко, как не задумался и в этот раз, собираясь на прием.

Он принял ту самую ванну, о которой рассказывал Патрик, позволив паре неразговорчивых местных слуг вымыть себя, причесать и одеть в варварски великолепный балахон, украшенный золотым шитьем и крупными драгоценностями.

Дюваль, явившийся к концу одевания в таком же роскошном костюме, одобрительно похлопал Филиппа по плечу.

— Отлично выглядите. Вам идет это золото.

— Думаете? — буркнул Тьен. — Я чувствую себя так, словно у меня на плечах мешок с камнями.

— Дело привычки, — Дюваль улыбнулся. — После подписания договора можно будет все это снять и переодеться в более легкое и удобное. Но официальная церемония требует официальных же одежд. Здесь к этому довольно строгое отношение.

— Традиции? — мрачно уточнил Филипп, разглядывая себя в идеально отполированное металлическое зеркало.

— Они самые. Идемте.

К счастью, долго потеть в непривычной одежде Филиппу не пришлось. На церемонии он был занят тем, что разглядывал обстановку тронного зала и приглашенных на подписание людей. Он никого не знал в Миссии, кроме Дюваля, а из местных был знаком только с Илмари, который с невозмутимым видом стоял за левым плечом отца. Вот кому действительно шло и золото, и вульгарно крупные самоцветы. Впрочем, они шли всем варварам, находившимся в зале — высоким, светловолосым, державшимся с удивительной надменностью.

— Местная элита, — шепнул Филиппу Патрик в перерыве между торжественными речами. — В Нижнем городе вы встретите сколько угодно брюнетов, рыжих, шатенов. Говорят, если у членов правящей династии рождается ребенок, не обладающий светлыми волосами, его отправляют за пределы дворца, объявляя умершим. А принявшая такого ребенка семья получает пожизненное содержание и зарга из дворцовых стойл.

— Забавно, — сквозь зубы ответил Филипп, чувствуя, как по спине катятся капли пота. — Принудительный отбор?

— Как везде, друг мой, — Патрик выпрямился. — Хотя, по слухам, половина этих блондинов просто крашенные. Еще немного терпения, Готлиб уже заканчивает благодарственную речь.

Еще через четверть часа, с облегчением скинув тяжелый балахон на руки слуге, Филипп вместе с Дювалем прошел в обеденный зал. Его уже не поражала роскошь: он слишком устал от дневных впечатлений, чтобы с прежним восторгом реагировать на искусную каменную резьбу, украшенные все теми же самоцветами светильники на стенах и под потолком, столы, ломившиеся от огромных блюд с аппетитно истекавшими соком тушами местных животных и птиц. Да и сам ужин вызвал у него скорее тягостное чувство неловкости, чем удовольствие от натуральной пищи. Ели руками, отрывая куски мяса прямо от туш, проливая вино и соус на мозаичные полы, кидая кости под стол в поставленные в ногах лохани. В дальнем конце зала играл какой-то местный оркестр, состоявший из гуделок и трещоток, заглушавший грохотом любые попытки разговора. Так что Филипп даже обрадовался, когда сидевшие за столом вдруг стали подниматься и по двое-трое выходить в соседний зал.

Филипп поспешил туда, оставив Дюваля беседовать с каким-то очередным местным вельможей.

Здесь было прохладнее, на широких столах в живописном беспорядке лежали местные плоды. Танцующие время от времени угощались ими, кидая огрызки и шкурки прямо себе под ноги. Филипп поморщился, повернулся к окну и неожиданно увидел на центральном столе длинную ветку. Это были те самые фрукты, наргари, о которых ему рассказывал Илмари. Ветка лежала, никем пока не тронутая, соблазнительная, как любой запретный плод.

Справедливо рассудив, что раз уж наргари не за решеткой, то их можно попробовать, Филипп решительно взял опустевшее круглое блюдо, уложил на него ветку, отыскал глазами в толпе у стены Илмари, о чем-то разговаривающего с пожилым лысеющим мужчиной, и двинулся к своему новому приятелю, широко улыбаясь.

— Как видишь, ради нас и договора с Унией твой отец решил пожертвовать традициями. Угощайся!

И сунул блюдо в руки онемевшему от неожиданности Илмари. Музыка немедленно и резко оборвалась, танцующие пары замерли. Филипп недоуменно обернулся и увидел, как мертвенно-бледный Патрик Дюваль хватается за стену, чтобы не упасть.

— Я что-то не то сказал? — Тьен растерянно посмотрел на Илмари, загорелое лицо которого сейчас казалось серым.

— Да, — безжизненным голосом ответил тот и выронил блюдо. Ветка ударилась об пол, несколько наргари оторвались и покатались в разные стороны. — Ты только что официально вступил со мной в брак.

2.

— Ваше Высочество, пора вставать.

Голос Рони Илмари слышал каждое утро, и это неизменно приводило его в хорошее расположение духа. Вот и сейчас, не открывая глаз, он лениво потянулся, улыбнулся и, молниеносно ухватив любовника, дернул его на себя, опрокидывая в постель.

— С добрым утром, — шепнул Илмари в розовое ухо, которое обнажали собранные в прическу светлые волосы. Это тоже всегда безумно заводило: то, что Рони каждый раз тщательно причесывался перед тем, как прийти в его спальню. Будто не знал, что вскоре будет выглядеть так, точно полночи шатался по густым зарослям колючего солара. Поскольку Илмари по утрам любил бурный секс.

Вот и сейчас принц жадно потянулся к знакомым губам, толкаясь в бедро любовника готовым к подвигам членом, чтобы тот оценил размер его нетерпения. Однако Рони внезапно забарахтался, испуганно и задущенно причитая:

— Нет-нет, Ваше Высочество! Нет, вы что! — вырвался и полез вон из кровати.

От удивления Илмари даже сел на постели:

— Рони? С тобой все в порядке?

— Я не могу нарушать правила, — покрасневший Рони торопливо одергивал тунику и приглаживал волосы. — Никто во дворце не может настолько не уважать вас и порядки Варгара. Вы забыли, Ваше Высочество, что вы — почти женатый человек?

Илмари застонал и упал обратно на подушки, закрыв глаза рукой. Мерзауг бы сожрал этого несносного унианца!!! А такое было прекрасное утро, пока он не вспомнил! И ведь накануне вечером получил отказ от Соли, которая также воспротивилась по обыкновению нырнуть в его объятия, хотя он и пообещал держать рот на замке. Но как же — чтобы гордая аристократка согласилась спать с женатым принцем! Она тогда сама себя перестанет уважать. Главное, утром она себя вполне уважать могла, а уже вечером из-за какого-то невежи-чужака у нее вдруг не получится. А теперь еще и Рони! Это был полный крах жизни Илмари, в первую очередь — интимной. Не с этим же неуклюжим унианцем, по собственной дурости связавшим их брачным обязательством, заниматься теперь сексом! А с кем, если ни любовник, ни любовница нарушать правила не согласны?

— Хорошо, — зло сказал Илмари, поднимаясь с кровати. — Я сейчас же пойду к отцу и выясню, не разрешили ли они с руководителем земной Миссии это недоразумение. И если только дурацкое предложение руки и сердца засчитали недействительным — я вернусь и немедленно тебя оттрахаю, понял? Попробуй тогда только заикнуться мне про правила!

Рони, по-прежнему покрытый краской стыда, стремительно откланялся, а Илмари принял ванну и облачился в подходящий для утреннего визита к отцу костюм. Поскольку настроение болталось где-то в районе подвального этажа дворца, слугам весьма чувствительно перепало за нерасторопность, хотя в действительности Ва, Ли и Ту носились по комнате как бешеные, стараясь угодить принцу. Но кого это волновало! Илмари считал, что все обычные процедуры на сей раз происходят непозволительно медленно. И то, что в другой ситуации он бы еще как минимум половину утра провел в постели, никакой роли не играло.

Как ни странно, к отцу Илмари допустили далеко не сразу. Такое частенько практиковалось в его детстве — младшего принца за какие-то провинности подолгу держали в приемной, прежде чем позволяли пройти в покои родителей. Чтобы он успел осознать всю недопустимость своего поведения и вдосталь понервничать. В таких случаях после аудиенции он выходил заплаканным и выжатым, как лабилия, да еще и с каким-нибудь неприятным поручением в виде наказания.

Последний раз подобное отношение к себе он видел через несколько восходов после наступления возраста тау, и тогда его проступок действительно был велик. Но за последние сезоны он сильно отвык от такого обращения, и теперь занервничал еще больше. Похоже, отец весьма недоволен им, иначе зачем возвращаться к старым проверенным методам?

За время ожидания Илмари успел нафантазировать себе диких ужасов в виде ссылки из дворца на целый сезон, запрета на любимые скачки на заргах и принуждения в течение как минимум семи восходов вершить справедливый суд, принимая не нашедших правды в другом месте варгарцев — была у царской семьи такая скучная и неприятная обязанность (хотя, к примеру, Исмари считал ее привилегией). Как всегда, освященная вековыми традициями.

Илмари готов был признать, что повел себя глупо, от неожиданности приняв блюдо из рук землянина. Однако наказывать его за маленькую неосмотрительность настолько жестко — это же просто бесчеловечно!..

Похоже, на сей раз родитель несколько просчитался со временем маринования в приемной, поскольку постепенно от паники и впадения в тоску Илмари дошел до точки кипения. Так что когда мажордом все же пригласил его в покои, Илмари ворвался туда, еле сдерживая злость. И с порога заявил:

— В Верховном судилище я сидеть не буду!

Отари медленно обернулся к сыну.

— О чем ты, Илмари? Какое судилище? Ты счастливый жених, так неужели я могу заставить молодожена проводить восходы в суде вместо того, чтобы наслаждаться временем наргари?

Не ожидавший такого Илмари подавился заготовленным воплем о том, что от скачки в честь тезоименитства матушки его тоже никто не заставит отказаться, и закашлялся, вытаращившись на отца. Тот, глядя в ответ весьма холодно своими пронзительными голубыми глазами, учтиво улыбался.

— Что? — просипел Илмари, когда ему удалось справиться с собой.

— Свадебная церемония и пир назначены на сегодняшний полдень, — любезно сообщил отец.
— Все согласно обычаям. Одежду к церемонии тебе уже готовят.

— Не может быть! — выпалил Илмари. — Это не просто жестоко — это супержестоко, отец! Ты не можешь так со мной поступить! Мужской брак — это же позор! Я ни за что не выйду в пиршественную залу с этим... с этим...

— Ты хочешь сказать — со своим супругом, наследником корпорации, ведущей с Варгаром торговлю и обеспечивающей покой на наших границах? С представителем могущественной цивилизации, которая, при желании, может стереть Варгар в порошок? — любезно уточнил Отари, и тут же его тон сделался непримиримо-жестким. — Разумеется, ты выйдешь, Илмари. И сочетаешься браком по всем правилам.

— Отец, не шути так, — срывающимся голосом попросил Илмари. — Я знаю, что совершил огромную глупость, не заметив сразу, что там протягивает этот тупица. Но последствия не могут быть настолько ужасны!

— Напротив, сын. Никаких ужасов. Породниться с нашими друзьями через брак детей двух влиятельных в своем мире людей — отличная, беспроигрышная мысль! А вот если ты попытаешься сорвать церемонию — тогда, безусловно, последствия будут жуткими. И учти — я буду не на твоей стороне. Мне придется тебя казнить, чтобы хоть как-то компенсировать представителям Унии моральный ущерб. А если ты сбежишь — тогда я казню тебя еще и прилюдно, чтобы другим неповадно было нарушать наши обычаи. Ты меня знаешь: я найду тебя, где бы ты ни скрывался. Варгар только на первый взгляд кажется огромным. Для сведущих людей он мал, как... — Отари поискал взглядом и наконец остановился на инкрустированной изумрудами безделушке, — как моя табакерка для нюхательной соли. Поскольку у наших друзей унианцев есть замечательные системы для поиска всего, что пропало или хочет спрятаться.

С каждым словом отца Илмари все больше съеживался, словно из него выпускали воздух — как из крашеного рыбьего пузыря, которые так любили надувать дети.

— Но, отец, — все-таки попытался робко возразить он, — ведь он же брюнет!

Слова «мой будущий супруг» ни в какую не хотели выходить из глотки.

— Ну, детей от вашего брака я не жду, — осклабился Отари, — поэтому волноваться тут не о чем.

— Да причем тут дети! — возмутился Илмари. — А я? Как я буду жить с ним?!

— Так же, как принял из его рук наргари, — пожал плечами Отари. — Ты не подумал о последствиях. Ну а теперь не думай и дальше.

— Я не видел! — в отчаянии завопил Илмари. — Я не посмотрел, что он мне сует. Я разговаривал с Бодари! А тут этот невежа что-то пихнул мне в руки — я и взял.

— Боюсь, за свою невнимательность тебе придется расплачиваться всю оставшуюся жизнь, — безжалостно сказал Отари. — Ты ведь знаешь, что разводы в королевской семье недопустимы.

— Да я лучше умру! — заявил Илмари, осознав всю бездну раскрывшегося перед ним несчастья.

— Умри, — спокойно согласился Отари. — Этим ты избавишь свою семью от сплетен и срама. Но только после свадебной церемонии. Она должна состояться безоговорочно. А потом можешь наложить на себя руки. Я позабочусь, чтобы твоя смерть выглядела, как несчастный случай.

— Ты... ты... — у Илмари куда-то пропали все слова.

— Я, — снова согласился Отари. — Оскорбить Унию пренебрежением к одному из ее важных представителей, гостящих на нашей земле, я не могу. Для блага Варгара слишком важно то чудесное оружие, которое они поставляют в обмен на солар.

— Не Варгару, — мрачно возразил Илмари, которому уже нечего было терять, — тебе. Ты всегда бредил абсолютной властью. А с унианскими штучками тебе никто не соперник.

— Я стараюсь на благо династии. Моя семья правила и будет править Варгаром.

— Я ведь тоже твоя семья, — напомнил Илмари.

— Был моей семьей, — кивнул Отари. — Но таким неосмотрительным глупцам в ней не место. Я тебя предупреждал в прошлый раз, несколько сезонов назад: еще одно прегрешение — и ты заплатишься. К сожалению, у меня нет возможности просто изгнать тебя. Однако заставить исполнить свой долг до конца — в моих силах. Ну и, разумеется, позаботиться о том, чтобы трон никогда не перешел к тебе. Так что можешь не сомневаться — ты уже исключен из числа престолонаследников. Неофициально, само собой... А теперь — больше не задерживаю. Желаю счастья в семейной жизни. Не сомневаюсь, оно у тебя будет — ты ведь, как известно, не против забав с мужчинами. И жду в полдень в тронном зале... сынок, — последнее прозвучало насмешливо-презрительно, и Отари отвернулся к окну, давая понять, что аудиенция окончена.

Как побитый мельх, Илмари поплелся к выходу, погруженный в небывалые пучины отчаяния. Все рухнуло в одночасье. Все глобальные планы и тайные надежды. Все мечты и смелые проекты... Великая бесконечность, да как же такое вообще могло случиться?!

В приемной топтался Исмари. Увидев выползшего из дверей брата, он победно улыбнулся, но сказать ничего не успел — мажордом пригласил его в королевские покои, и Исмари стремительно проскочил мимо вышедшего из милости родственника.

Что ж, все верно. Наследников у отца всего двое. И если раньше Отари упорно избегал явных проявлений благосклонности к любому из сыновей, имевших несчастье родиться в один день, то теперь фаворит обозначился сам собой.

Потеряв самообладание, Илмари стукнул кулаком по стене и бросился в свои комнаты, надеясь укрыться там от чужих глаз и погрузиться в страдания.

Но даже этого ему не позволили. В смысле, остаться одному. Страдать-то ему вряд ли кто-то мог помешать.

Откровенно говоря, угроза самоубийства была всего лишь угрозой — в действительности Илмари никогда бы не наложил на себя руки. Однако Отари, судя по всему, решил предвосхитить любую попытку позорного дезертирства, и как Илмари ни пытался выставить Ва, Ли и Ту за порог собственной спальни, они ни в какую не уходили. Он даже ударил их несколько раз, чего сроду себе не позволял. Но слуги только закрывали головы руками, мычали и упорно оставались в комнате, отказываясь ее покидать. Это было совершенно невыносимо, ужасно, отвратительно, унизительно, в конце концов!!! И во всем виноват был этот проклятый инопланетный выскочка...

Когда-то, задолго до рождения Илмари, для варгарцев оказалось открытием, что в действительности мир гораздо больше, чем они привыкли считать, и свалившиеся на голову унианцы их потрясли. Это даже повлияло на религию: если раньше на Варгаре поклонялись всевозможным богам, то в дальнейшем потихоньку вера в высшие силы отмерла как таковая. Не нужны они оказались при таких союзниках. А возвести на небесный трон унианцев не получилось: те быстро объяснили, что такие же люди, только живут на другой планете. И даже поделились некоторыми знаниями. Но главным подарком, конечно, стало удивительное, убивающее на расстоянии оружие.

Теперь, много времени спустя, жители иных миров уже не казались чудом. А варгарцы и унианцы норовили выхватить у союзника кусок побольше и повыгоднее. Что, собственно, только что и продемонстрировал Илмари отец, напрямую заявивший, что ради политических интересов пожертвует сыном.

Правда, и сам Илмари был не без греха. Если оставаться честным перед собой, он недолюбливал лезущих всюду инопланетников. И если бы они убрались с Варгара — стал бы гораздо счастливее. По крайней мере, ему так казалось. Поэтому и предложение Бодари, мужа тетки по отцу, принял с большим энтузиазмом. Поскольку оно показалось ему вполне здравым.

— Вскоре к нам прибывает новый корабль, — поделился Бодари за совместным завтраком. — А на нем — очередной унианский мальчишка.

Они любили иногда посидеть вдвоем на открытом балконе, попивая мормор и глядя в дворцовый сад. Кроме того, отсюда открывался отличный вид на город внизу и горы вдалеке. Сколько разных вещей они здесь обсудили, не боясь чужих ушей, — с некоторых пор Илмари предпочитал окружать себя только глухонемыми слугами.

— Неужели в Миссии еще недостаточно бездельников? — лениво протянул Илмари, рассеянно кивнув проходящей по дорожкам сада стайке придворных красоток.

Одна из них, самая молоденькая, почему-то покраснела и хихикнула, и Илмари, подмигнув прелестному созданию, мысленно взял ее на заметку.

— Видимо, нет, — пожал плечами Бодари. — Они устраивают из Варгара сад развлечений для самых богатых из них.

— А ничего, что мы тут живем? — стремительно вспыхнул Илмари. — Что за бесцеремонность, в конце концов! Как же они меня раздражают!

— Меня тоже, — кивнул Бодари. — Тебе не кажется, имеет смысл как-то поставить их на место?

— Давно кажется, — мрачно проговорил Илмари. — Только как, если отец вцепился в их подарки, как восьминогий мерзауг, и вряд ли согласится выпустить из лап, пусть даже небо рухнет на землю?

— Ну зачем же такие крайности? — тонко улыбнулся Бодари. — Хватит и меньшего. К примеру, нарушения какого-нибудь табу...

— С ума сошел? — поинтересовался Илмари. — Кто станет нарушать табу? Я? Ты? Не знаю, как там дела у тебя, а мне еще жить не надоело.

— Ты слишком прямолинеен, мой мальчик, — снисходительно взглянул на него Бодари. Наедине они позволяли себе вольности в обращении друг к другу. — И недогадлив. Не мы — унианцы должны нарушить табу. Желательно, по незнанию. И желательно такое, в результате которого будут опозорены навсегда, а все соглашения с ними расторгнуты. Только тогда мы сможем зажить так, как веками жили до них.

Илмари хмыкнул.

— И как ты планируешь этого добиться? Представители Миссии никогда не сядут на лавку, предварительно не протерев ее десять раз платком. И дуют даже на холодную воду, прежде чем ее пригубить.

— Представители Миссии — да. Они научены и осторожны. Но вспомни, с чего я начал наш разговор: к нам прибывает очередной унианский бездельник...

— Ты хочешь подставить его? — сообразил Илмари.

— Если ты мне поможешь, — согласился Бодари. — Я пытался уже с предыдущими, но вышло не слишком удачно: все их небольшие промахи быстро ликвидировались членами Миссии, и до Отари так ничего и не дошло. Значит, надо, чтобы унианец покрыл себя позором прямо на глазах твоего отца.

— У тебя уже есть план? — Илмари заерзал от предвкушения.

— Пока нет, — с сожалением признался Бодари. — Но я обязательно что-нибудь придумаю.

— Ну а что должен делать я? Какова моя роль?

— Думаю, для начала тебе было бы неплохо наладить с унианцем дружеские отношения. Так мы быстрее узнаем его слабые места.

— Почему я? — на всякий случай спросил Илмари, хотя в действительности уже был согласен. Причастность к тайне и интриге приятно будоражила кровь.

— Молодость с молодостью всегда найдет общий язык, — пояснил Бодари. — А вот если зрелый человек будет добиваться расположения инопланетного молодчика — не кажется ли тебе, что это вызовет подозрения?..

Вот и нашел общий язык! — злился Илмари, пока вокруг него крутились портные, что-то отрезая, подкалывая, прихватывая на живую нитку. Разумеется, его брачное платье было давно готово — с наступления возраста тау, — но непосредственно перед церемонией следовало все привести в порядок, подогнать по фигуре — а вдруг принц за несколько сезонов поправился или похудел? Впрочем, на радость слугам, особых поправок в костюм вносить не пришлось. Зато капризный нрав жениха они испытали на себе в полной мере — Илмари постарался сорвать злость и на них.

Увидеться с Бодари до начала церемонии ему так и не пришлось, хотя очень хотелось. Но тот после вчерашнего инцидента, торопливо бросив: «Не волнуйся, Илмари, думаю, все разрешится наилучшим образом», как сквозь землю провалился. Вечером Илмари даже не погнушался дойти до его покоев во дворце, но они оказались пусты — слуги сообщили, что Бодари отправился в свой замок, чтобы вернуться к свадебному обряду вместе с женой. Илмари еще подумал, что это прекрасная отговорка, чтобы смотаться по своим делам, поскольку, разумеется, никакой брачной церемонии в действительности завтра не состоится. Правда, грядущему появлению тетки во дворце не обрадовался. Вот насколько он легко и быстро сошелся с Бодари после его появления в семье — настолько же тяжело выдерживал тетку. Та была глупа, как лоза лабилии, при этом весьма приставуча и болтлива. Каждый ее визит становился для Илмари пыткой.

Тогда он еще не догадывался, что настоящей пыткой станет не тетка, а вся его дальнейшая жизнь, поскольку был твердо уверен: ни отец, ни Готлиб из Миссии не дадут хода глупости, совершенной инопланетником, пусть он и сделал ее на глазах всего двора...

Официальную одежду Илмари не любил никогда. Она казалась неудобной и абсолютно ему не идущей. Вся эта жесткая золотая ткань еще и кололась, вызывая раздражение на коже, а синие камни мерзостно покачивались при каждом шаге. И колпак, колпак на голове! Больше всего он ненавидел этот колпак!!!

Но увидев в таком же точно облачении своего новоиспеченного супруга, Илмари весело хмыкнул. Тому церемониальное облачение не просто не шло, он еще и не умел его носить — путался в полах, спотыкался, колпак съезжал ему на глаза, и унианец его то и дело судорожно поправлял. Надо сказать, выглядел новобрачный неважно, точно не спал целую ночь — глаза покраснели, пальцы беспокойно дрожали.

— Возьмите супруга за руку, — скомандовал церемониймейстер, прежде чем открыть дверь в общий зал.

— Не буду! — яростно прошипел Филипп. — С чего бы мне брать его за руку?!

Илмари не стал слушать, молча крепко ухватил теплую ладонь и развернул строптивца ко входу. Без всякого сострадания. Просто неизбежное следовало встречать как полагается.

— Принц Илмари с супругом, — провозгласил церемониймейстер, распахивая перед ними створки.

И под музыку, дернув балбеса за собой, Илмари вступил в светлый, полный гостей зал, презрительно вскинув подбородок. Никто не дождется от него другого. Плевать он хотел, что идет сейчас по проходу не с красавицей-женой, а с чужаком из другого мира. Плевать хотел, что отец в одночасье вычеркнул его из списка претендентов на трон. Плевать хотел на то, как на него смотрят и о чем шепчутся. Это все равно он, и он не изменился. А то, что сбоку плетется недоразумение в мужском, а не женском костюме... Илмари искоса бросил взгляд на

бледного супруга, продолжая сжимать его ладонь. Да тот и сам уже, кажется, за него цеплялся, как за единственную опору в недружелюбном мире.

Ну что ж, это действительно недоразумение, но, в конце концов, и из него можно сделать человека. Со временем.

— Когда будем танцевать свадебный танец, просто держись за меня, понял? — склонившись к уху Филиппа, шепнул Илмари.

Тот в ответ слабо кивнул, хотя Илмари отнюдь не был уверен, что унианец вообще его понял.

Принц поднял голову и обвел взглядом всех присутствующих. Да уж, не так он представлял собственную свадьбу. Эта жалкая горстка людей — исключительно члены семьи, приближенные, двор и высокопоставленные гости из Миссии — ни в какое сравнение не шла с толпой, заполонившей округу во время свадебной церемонии Пелари и Бодари. Илмари отлично ее помнил, потому что второй раз тетка выходила замуж на его памяти, через несколько сезонов после того, как овдовела. Но плевать было даже и на это.

Стыднее всего почему-то было за отца, ожидающе улыбающегося им с противоположного конца зала. Они с матерью, восседая на возвышении, наблюдали за приближением молодых, готовые заключить в нежные родительские объятия и прилюдно признать их союз.

Не покорило ведь Отари женить сына на мужчине. Позор, который он сейчас здесь, в этом зале, публично удостоверял, да еще и лучился при этом не то удовольствием, не то радостью. А вот мать улыбалась весьма натянуто. Кажется, ей ситуация совсем не пришлась по душе.

Зато Исмарии не скрывал ликования — так и светился от счастья. Мерзкий маленький задохлик, даром что старший брат.

И все то время, что отец с матерью говорили положенные слова, по очереди облобызав обоих, Илмари не сводил тяжелого взгляда с брата. Тот аж задергался в конце концов. И когда подошел поздравить — явно нервничал, торопливо стиснул даже не ладонь, а рукав одежды Илмари, постаравшись свести контакт к минимуму, и так же невнятно прикоснулся к Филиппу, отмечая его причастность к королевской семье.

А потом пошли остальные. И Бодари с Пелари в том числе. Тетка даже расплакалась, изо всех сил обнимая Илмари:

— Вот ты и вырос, мой мальчик. Женился-а-аа.

Кажется, иногда недалекий ум — это польза, а не вред, — мелькнуло в голове у Илмари. По крайней мере, тетка, похоже, одна из всех искренне поверила в то, что этот союз заключен по взаимной симпатии, ну а странности выбора пары не придавала особого значения.

— Но, мальчик мой, — вытирая глаза, внезапно продолжила она, — я почему-то думала, ты выберешь в супруги Соли. Она ведь без ума от тебя... Впрочем, твой избранник тоже хорош, — спохватилась она и потрепала Филиппа по щеке. — В самом соку, как говорится.

— Уберите от меня... — покраснев, собирался возмутиться Филипп, но Илмари больно стиснул его руку, и тот захлебнулся словами.

— Они все должны к нам прикоснуться, — прошипел Илмари, когда тетка отошла. — Особенно к тебе. Это ритуал принятия в семью, понял?

— Они все будут меня лапать? — ужаснулся Филипп, вертя головой в попытке охватить взглядом зал.

— Не все. Только члены семьи, — сквозь зубы процедил Илмари, в упор глядя на безумно чем-то довольного Бодари.

— Поздравляю, — сказал тот, приблизившись. — Отличный выбор, Ваше Высочество. Пусть он кому-то и покажется странным, но не им судить, не правда ли? Любовь — такая непредсказуемая вещь...

— Издеваешься? — еле шевеля губами, зло сощурился Илмари.

— Ни в коей мере. Очень рад за вас, — Бодари притронулся к плечу Филиппа и отступил.

Илмари исподтишка наблюдал за ним, пока их поздравляли остальные. Что-то тут было не так. Совсем не так.

Когда все наконец-то расселись за столы, Илмари снова склонился к уху супруга:

— Не вздумай ничего есть.

— Но они же едят, — кивнул Филипп на остальных, уже активно приступивших к трапезе.

— Да, они едят. А мы не можем.

— Тогда зачем перед нами стоят все эти блюда? — судя по жалобному тону, унианец сильно проголодался. Наверное, от волнения с утра в себя ничего запихнуть не мог, а теперь умирал от голода.

— Желаешь провести новый эксперимент? — насмешливо спросил Илмари. — Ну попробуй. И через пару минут мы будем знать, кого тебе предстоит родить — наследника или наследницу варгарского трона.

Филипп отчетливо вздрогнул и спрятал вторую руку под стол — видимо, избегая искушения. Левая так и лежала в ладони Илмари.

— А пить хотя бы можно? — вдруг хрипло спросил Тьен и облизал губы.

Илмари посмотрел на него и неожиданно для себя погладил большим пальцем его кисть. Из-под колпака по вискам Филиппа сползали капли пота, несколько темных кудрей прилипло ко лбу, взгляд был растерянный и несчастный.

— Пить можно, — кивнул Илмари и сам налил в два кубка — себе и мужу. — Только постарайся не набраться. Не забывай, что ты в этой лодке теперь не один.

Напиться они бы, конечно, не успели при всем желании. Но приятное тепло, прокатившееся по телу, позволило хотя бы слегка расслабиться. Взгляд у Филиппа перестал быть таким затравленным. А когда гости потянулись в соседнюю залу, где стоящие вдоль стен столы ломились от десертов, Тьен уже выглядел менее потерянным. Он даже решился отпустить руку Илмари и слегка развалился на стуле, принимая менее скованную позу.

— Этот халат уже скоро можно будет снять? — спросил он, видимо, памятуя, что на вчерашнем приеме официальная одежда понадобилась только на подписании договора.

— Нет, — разочаровал его Илмари. — Придется терпеть до конца.

— Спина чешется, — Филипп передернул плечами.

Илмари усмехнулся и аккуратно, чтобы не было заметно со стороны, принялся почесывать его между лопаток сквозь золотистую ткань. Филипп вздохнул, украдкой кинув на него взгляд, и уткнулся в свой кубок.

— Сейчас придется танцевать. Много, — предупредил Илмари спутника. — Ты умеешь?

— Смотря что у вас тут так называется, — опять напрягся Филипп.

— Сейчас поймешь, — Илмари поднялся из-за стола и потянул за собой супруга, поскольку различил первые ноты свадебного танца, начатого оркестром. — Просто держись.

— За что? — слабо спросил Филипп.

— Для начала — за меня. И старайся не наступать на ноги.

В соседнем зале гости уже начинали исподволь выражать нетерпение, и появление молодоженов встретили аплодисментами. Правда, довольно жидкими. Илмари, не обращая ни на кого внимания, притянул к себе Филиппа и крепко обнял за талию, пресекая любые трепыхания. А затем, твердо подхватив под спину, точно Филипп был женщиной, повел его, стараясь держаться середины зала, где гости не успели набросать на пол косточек или шкурок.

— Что за варварские обычаи! — пыхтел Филипп, еле успевая перебирать ногами. — Что за варварская музыка! Что за...

— ...варварский мир? — подхватил Илмари, роняя его назад и тут же опять притягивая к себе. — Это теперь твой мир, инородец. И твоя семья. Так что поосторожнее со словами. Тем более что остаток вечера будешь танцевать не со мной, — и прицельно прищурился, в упор глядя на него.

— А с кем? — испугался Филипп.

— Трудно сказать, — пожал плечами Илмари, делая резкий разворот и заставляя супруга откинуться на своей руке. — Во время традиционной свадьбы жених танцует по очереди со всеми дамами семьи, невеста — с мужчинами. Однако в нашем случае...

— Я не буду танцевать с мужиками! — немедленно отказался Филипп.

— Если ты не заметил, именно это ты сейчас и делаешь, — улыбнулся Илмари, успевая увернуться от появившейся рядом пары — гости начали присоединяться к молодоженам.

— Да в конце-то концов! — рассердился Филипп. — Я не малолетняя сопливая девчонка, чтобы мной тут все командовали! Я Филипп Тьен, и я...

— ...совершил самую большую глупость в своей жизни, за что мы теперь оба и расплачиваемся. Поэтому делай, как тебе говорят, чтобы не стало еще хуже, — прошипел Илмари, очень удачно нависая над ним в движении танца. — Будешь танцевать со всяким, кто пригласит. Женщина, мужчина — неважно. Осталось продержаться не так уж долго. Потом будет перерыв — на еду и развлечения, актеры уже ждут. Потом снова танцы. И я тебя прошу — держи рот на замке, а? Кто бы что ни говорил — улыбайся и... не забывай перебирать ногами, мерзавец тебя загрызи! —

закончил он возмущенно, поскольку Филипп со всей силы наступил ему на сапог.

Когда они снова встретились и Илмари повел Филиппа на их места за столом, тот выглядел измученным. Молча плюхнулся на лавку и голодным взглядом уставился на блюда перед ними.

— Теперь можно, — разрешил Илмари, отрывая ножку лежащей поблизости птицы. — Ритуальную еду уже убрали. Ешь, — он с удовольствием вцепился в мясо зубами, и Филипп немедленно последовал его примеру.

Голубое вино из плодов лабилии прекрасно смачивало горло и придавало сил. Впрочем, Илмари сейчас размышлял не об этом и не о предстоящем еще времени праздника. И даже не о том, что ждет его впереди — после того, как молодоженов отпустят в покой.

Он размышлял, как ему, не вызывая подозрений, еще несколько раз потанцевать с теткой, поскольку Бодари по-прежнему на разговор не шел, а болтливый язык Пелари на сей раз стал для Илмари благом, а не проклятьем.

3.

— Сделайте хоть что-нибудь!

Устав метаться по комнате, Филипп рухнул в кресло и обхватил голову, запустив пальцы в волосы.

— Не могу, — с не меньшим отчаянием ответил Дюваль. — Отари уцепился за вашу промашку зубами. Сами посудите, Филипп: заполучить такого заложника — это же подарок судьбы.

— Заложника? — Тьен прекратил терзать волосы и в ужасе уставился на советника. — Меня посадят в подземелье?

— Если бы, — Патрик вздохнул. — В этом случае мы имели бы моральное право надавить на местную власть. Нет, Филипп. Отари собирается сыграть пышную свадьбу, всячески одарить вас землями, замками и рабами, то есть фактически принять в семью на правах принца-консорта. К сожалению, должен вам сообщить, что вашего отца ситуация тоже устраивает. Разумеется, он не собирается оставлять вас на Варгаре пожизненно, думаю, через два-три года вы овдовеете, но на данный момент мистер Тьен считает, что брак со вторым принцем не просто укрепит связи корпорации с Варгаром, а сделает их нерушимыми на десятилетия вперед.

— О не-е-ет! — простонал Филипп и снова вцепился себе в волосы. — Вы что, успели связаться с отцом?

— У меня была для этого целая ночь, — сухо отозвался Дюваль. — И я не имел права оставить его в неведении. Филипп, если вы откажетесь, на работе с соларом придется поставить крест. Варгарцы просто выкинут нас вон. А если мы попытаемся уничтожить правящую семью, то никогда не сможем договориться с теми, кто тут же начнет воевать за власть над Варгаром. Потерпите пару лет, это не такая большая цена за двухвековую жизнь без старения и болезней. Я уж не говорю о сверхдоходах.

Филипп промычал что-то невнятное и затих, раскачиваясь на мягкой банкетке.

Он провел бессонную ночь, еще не представляя последствий своей оплошности, но подсознательно предчувствуя надвигающуюся катастрофу. Вдоль и поперек изучил проклятую методичку. Выпил целый графин какого-то местного вина, пытаясь забыться. И все равно оказался не готов к тому, что ближайшим вечером окажется женатым человеком. Или замужним?

Формально он стал им уже накануне, вручив Илмари проклятые фрукты. Но требовалась еще и официальная церемония. Единственное, что Филипп успел узнать — прецедентов на Варгаре не имелось. Поэтому в нем до последней секунды теплилась надежда, что все спишут на недоразумение, разницу культур и цивилизаций, на неосведомленность, в конце концов.

Но, как оказалось, правитель Варгара просто жаждал заполучить его в зятья. И не собирался отказываться от выпавшего шанса. Поэтому уже с утра в Миссию явились несколько преисполненных усердия местных портных, и не успел Филипп опомниться, как был измерен с ног до головы. Разумеется, он раскричался, прогнал всех прочь, а затем кинулся к Дювалю. Как оказалось — только для того, чтобы узнать о неизбежности идиотского традиционного брака.

— Не переживайте, Филипп, — Патрик с состраданием похлопал Тьена по сторбленной спине. — Смотрите на все проще. Представьте, что вы отправились в двухлетнее путешествие на экзотическую планету. У вас есть прекрасная возможность познакомиться с местной жизнью, от души поразвлекаться, а затем вы вернетесь домой. Ну не убивайтесь так, Варгар же не отдаленная колония в заброшенном рукаве Галактики. Конечно, до планет Унии ей далеко, но и в естественной жизни можно найти определенные прелести.

— Какие? — простонал Филипп. — Эти их ужасные ванны? Эта грязь вокруг? Эти варварские обычаи? А если я опять что-нибудь нарушу? Если меня приговорят к казни? Или вы считаете, что этот Илмари спал и видел брак с женщиной? Да он смотрел на меня так, словно собирался немедленно убить!

— Прекратите истерику! — рявкнул потерявший терпение советник, и Тьен от неожиданности затих. — Ничего с вами не случится за пару лет. Варгарцы кровно заинтересованы в контактах с Унией, как и концерн вашего отца заинтересован в сотрудничестве с Варгаром. Разумеется, Илмари не в восторге. Он был свободен и пользовался всеми привилегиями неженатого принца, а тут вы ему свалились на голову со своим необдуманным угощением. Теперь ему придется соблюдать приличия и отказаться от милых холостяцких развлечений, до которых Илмари большой охотник. Очевидно, что пылкой любовью он к вам после этого не загорится. Но если вы будете умны и осторожны, то сможете наладить с ним дружеский контакт и вести вполне независимый образ жизни в рамках определенных приличий.

Свадьба завершилась глубоко за полночь. Во всяком случае, местная луна успела подняться над горами почти в зенит. Филиппу казалось, что внутри все замерзло насмерть — он настолько перепсиховал перед церемонией, что само торжество и последующий праздничный обед, без паузы превратившийся в праздничный ужин, практически не отложились в его памяти. Еле державшегося на ногах от шока и усталости Тьена под руки отвели в какие-то роскошные апартаменты, раздели донага, обтерли тело влажными губками, затем измазали каким-то ароматным пряным маслом, видимо, выполняющим роль духов или лосьона, и оставили в одиночестве.

Если бы Филипп мог радоваться — он радовался бы тому, что Илмари нет. Но сил не осталось ни на что, только заползти под одеяло и закрыть глаза, лишь бы не видеть ни чадящих на

стенах факелов, ни золотисто-синих кистей тяжелого балдахина над головой, ни проклятого наргари, аккуратной пирамидкой уложенного на блюде, поставленном на треножник возле кровати.

Проснулся Филипп от холода и, не открывая глаз, зашарил рукой, нащупывая одеяло. Но оно куда-то исчезло, и Тьен с трудом разлепил тяжелые веки, плохо понимая, где находится.

Илмари стоял у кровати — нагой, прекрасный, как языческий бог и, без сомнения, донельзя злой. В руке тускло блестел длинный кинжал. Филипп открыл рот, пытаясь вымолить себе жизнь, но голос отказал и из горла вырвалось только невнятное сипение вперемешку с кашлем.

— Ты хотел попробовать наргари, — с непонятной усмешкой сказал Илмари и двумя взмахами кинжала рассек самый верхний фрукт в пирамиде на четыре части. Подхватил кусок, одним движением вырезал ярко-рыжую сердцевину, склонился над Филиппом. — На! Жри, пока не лопнешь.

Филипп хотел отстраниться, но Илмари бросил кинжал, ухватил Тьена за волосы и с силой пихнул наргари в губы.

— Ешь, ну! Открывай рот!

Он был страшен в своем гневе, этот второй сын правителя Варгара, в мгновение ока превратившийся из приятного милого собеседника в грубое чудовище. Никто и никогда так с Филиппом не обходился, и от неожиданности он совсем растерялся. Тем более что Илмари как-то очень ловко умудрился запихнуть ему в рот весь кусок, истекавший липким кислотным соком, и прижал губы жесткой ладонью. Ничего не оставалось, как прожевать и проглотить. А потом Филипп все же вырвался, сел в кровати и гневно толкнул Илмари в твердое плечо.

— С какой стати ты сюда явился? У нас фиктивный брак, ты что, сам не понимаешь? Дань вашей глупой традиции. Убирайся к себе и дай мне отдохнуть, я устал!

— Фиктивный? — Илмари прищурился. — Нет, мой дорогой муж, у нас никаких фиктивных браков не существует, все настоящее. Так что ты сейчас доешь этот наргари, а затем приступишь к выполнению супружеского долга. Все как полагается. И учти — утром я должен предъявить отцу доказательства твоей невинности.

— Что? — горло снова перехватило, и Филипп закашлялся, хватая ртом воздух. — Что? Какие обязанности? Какая невинность? Да у меня баб было больше, чем звезд на вашем небе. Или ты думаешь, я для тебя девственность хранил?

— А мужчин? — Тьен неожиданно оказался прижат к перине, Илмари наклонился так близко, что можно было пересчитать все реснички на его веках. Очень пушистые, между прочим, были ресницы и очень густые — как у девушки. — Мужчины у тебя были?

— Кто? — голова у Филиппа вдруг закружилась, комната, балдахин, ненавистный «муж» — все поплыло куда-то влево. — Кто?

— Будут, — хищно оскалился Илмари. — Но сначала ты доешь наргари.

Совершенно дезориентированный головокружением и новостями Филипп даже не сопротивлялся, когда ловкие пальцы протолкнули ему между зубов очередной кусочек кислотато-сладкой мякоти. И еще один. И еще.

Когда головокружение прекратилось, Филипп обнаружил, что все предметы в комнате выглядят резче и отчетливее. Из открытого окна волнами налетали запахи — удивительно яркие, насыщенные, невероятно приятные. Кожа горела, сердце выстукивало какой-то лихорадочно-неровный ритм, во рту пересохло, и больше всего на свете хотелось секса — любого.

— Что это было? — прохрипел Филипп, пытаясь прикрыть ладонью пах. — Наргари — что это?

— Плод любви, — Илмари снова ухмыльнулся, взял с подноса фрукт, крестообразно надрезал, запрокинул голову и, сжав наргари в ладонях, высосал сок. Затем кинул остатки на пол. — Даже если новобрачные ненавидят друг друга, они будут заниматься любовью, потому что иначе свихнутся от неудовлетворенного желания.

— Мама, — прошептал Филипп, больше всего на свете желая умереть. — А служанок позвать никак нельзя?

— Никак, — ожесточенно ответил Илмари. — Как только я сюда зашел, у дверей встала стража. Теперь ты понимаешь, глупец, в какую историю мы вляпались? Ты вляпался! По собственной тупости!

— Это ты во всем виноват! — Филипп наконец-то обрел голос и вопил в единственной надежде, что возбуждение, волнами разливающееся по телу, отступит перед злостью. — Ты мне рассказал про эту гадость, но ничего не объяснил толком! Откуда мне было знать, что их нельзя брать? Они же на столе лежали!

— Для украшения, болван! — заорал в ответ Илмари. — Это традиционное украшение праздничного стола! Если, к примеру, семьи враждуют, а их дети влюблены и хотят пожениться! Они могут преподнести друг другу наргари, и тогда их брак признается законным вне зависимости от желания родителей! И никто не хватает целую ветку — это признание в неуправляемой страсти, это неприлично!

— А мужской брак — прилично? — от крика Филипп уже охрип, но возбуждение не только не спадало, а становилось все сильнее. — У нас тоже полно уродов, которые трахаются со своим полом, но никому в голову не придет обмениваться кольцами! Это все равно что расхаживать голым по улице в час пик!

— Да хоть без кожи расхаживай — кому какое дело!? — Илмари толкнул Филиппа, опрокидывая спиной в подушки. — Но если тебе так уж захотелось что-то сожрать, то хотя бы поинтересуйся, почему это нельзя жрать! И даже трогать нельзя!

Он схватил Тьена за горло, сжал, перекрывая доступ воздуха. Филипп обеими руками вцепился в запястье Илмари, забил пятками по перине, пытаясь сбросить с себя неожиданно тяжелое тело. Сознание мутилось, упорно стоявший вопреки всему член мокро хлопал по животу. Но что самое ужасное — даже сквозь всю муть неестественного возбуждения, задыхаясь от нехватки кислорода и слепящего бешенства — Филипп ощущал горячий и твердый орган варгарца, упирившийся в бедро. И от этого места по всему телу щекотными волнами расходилось желание.

— Значит, мужчин не было, — прошипел Илмари прямо в приоткрытые губы Филиппа. — Очень плохо, инопланетник! Я не люблю девственников, от них одни проблемы и никакого удовольствия.

Он наклонился еще ниже, больно укусил Тьена за губу и тут же прижался к его рту, лаская

языком десны, небо, изнанку щеки. Отпустив горло, просунул руку вниз, грубо хватая за мошонку, сжимая ее в горсти. Филипп заскулил, цепляясь за его плечи, казалось, отлитые из стали. Он совершенно не хотел, чтобы его имели в зад, словно какого-нибудь дирне из трущоб марсианского космопорта. Но проклятое наргари превратило кровь в ядовитый газ, отравлявший сознание, заставлявший скидывать бедра и тереться членом о член, раздвигать ноги, втягивать глубже в рот чужой язык.

— Так, да, — прошептал Илмари, приподнимаясь и глядя на Филиппа безумным взглядом. — Никто не может сопротивляться силе наргари. Даже ты, глупый унианец. И раз уж так сложились звезды...

Он скатился с Тьена, неуловимо быстрым движением очутился у того между ног, мягко развел ладонями бедра и качнулся вниз. Его волосы рассыпались по животу Филиппа, добавляя мучительно-острых ощущений. Тьен застонал хрипло, на выдохе, и вцепился двумя руками в мягкие пряди, дергая Илмари вниз, к своему пылавшему и требовавшему немедленной разрядки естеству. Впрочем, варгарец не был против. Он обхватил теплыми мягкими губами головку, сжал, усиливая давление и добавляя невероятных ощущений, мягко провел языком по самому кончику, толкаясь в отверстие на головке.

Филиппу хватило: он выгнулся дугой, стараясь просунуть член как можно дальше в рот Илмари, взвыл и кончил, содрогаясь, словно в эпилептическом припадке.

Оргазм облегчения не принес. Едва проморгавшись от радужного тумана, Тьен почувствовал, что возбуждение и не думало спадать. Когда-то давно, по подростковой глупости, он однажды занимался сексом под эростайлом, и воспоминания у Филиппа остались самые неприятные. Удовольствие ощутить себя половым гигантом заметно уступало резям внизу живота, болезненной чувствительности члена и неприятному зуду в промежности на следующий день, из-за чего экспериментатор сутки провел в длинной рубахе и без белья.

Происходившее сейчас очень напоминало действие эростайла. Член стоял колом, в яйцах ныло и покалывало, а в паху горячо пульсировало и требовало продолжения. Илмари, прекративший вылизывать головку, сполз еще ниже, целуя внутреннюю сторону бедер Филиппа, и от этих влажных горячих прикосновений хотелось кричать и корчиться на скомканных простынях.

В какой момент варгарец успел просунуть палец в задний проход, Тьен не очень понял. Но, видимо, слуги не просто так умаслили его тело в стратегически важных местах. А когда Филипп спохватился и попытался зажаться, было уже поздно. Аккуратные осторожные движения расслабляли и добавляли возбуждения одновременно. Особенно сильно это чувствовалось, стоило мягкой горячей подушечке коснуться какого-то непонятного места внутри. Филипп между сладкими спазмами даже попытался определить это место как «где-то за яйцами». Прикосновения заставляли его вздрагивать, ахать и непроизвольно раздвигать ноги еще шире.

Илмари, похоже, прекрасно знал, что делает. Пока Филипп пробовал разобраться со своими ощущениями и не потерять при этом чувство реальности, он умудрился добавить к первому пальцу второй, заставив Тьена не просто вздрагивать, а дергаться всем телом, как от энергоразряда.

Однако надолго принца не хватило — сок наргари действовал на него ничуть не слабее, чем на унианца. Филипп только охнул, когда Илмари внезапно поднялся на колени, задрал одну ногу Тьена себе на плечо, оттянул ему ягодицу и, слегка наклонившись, резко двинул бедрами.

Как ни был Филипп возбужден ласками и расслаблен первым оргазмом, боль оказалась неожиданной, а положение отчаянно некомфортным. Он задергался и заорал, пытаясь освободиться, осыпая Илмари всеми ругательствами, какие только мог вспомнить. Но проклятый варгарец держал крепко, а любые телодвижения добавляли мучений, и Тьен в конце концов затих, дрожа всем телом и растеряв добрую часть возбуждения.

— Заткнись! — запоздало рявкнул Илмари, затем добавил уже спокойнее: — Сейчас привыкнешь, станет легче.

Он тоже был напряжен и, судя по всему, с трудом сдерживался, чтобы не войти в Филиппа сразу до конца. Но даже если он и заслуживал какой-то благодарности за свое терпение, Тьен все равно был не в состоянии его оценить. Поэтому снова заорал, стоило Илмари чуть двинуться вперед.

Вопли, впрочем, не помогли. И попытки скинуть с себя насильника тоже ни к чему не привели. Илмари все же втиснулся до конца и замер, навалившись на Филиппа и тяжело дыша. А потом начал двигаться. Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, хрипло бормоча что-то на своем языке.

В эти минуты Филипп был готов благословить наргари. Содержавшееся в плодах вещество, так коварно подействовавшее на его организм, превращало пытку соитием в некое извращенное удовольствие. И очень скоро Тьен обнаружил, что сам дергает бедрами навстречу движениям Илмари, отчаянно лаская собственный член и мошонку.

Второй оргазм оказался не менее ярким и в чем-то даже болезненным. Словно Илмари выдолбил его из Филиппа резкими глубокими фрикциями. В какой-то момент Тьена словно пополам резануло изнутри, перед глазами вспыхнула сверхновая, а тело свело такой мощной судорогой, что прервалось дыхание. И только внутри двигалось и двигалось нечто крупное, горячее, влажное, и от этого сквозь живот прямо в грудь и горло били молнии.

А потом Илмари то ли зарычал, то ли завыл — глухо, страшно — и втиснулся так глубоко и сильно, что Филипп отключился.

4.

Этим утром их никто не будил. Илмари проснулся сам, когда до кровати добрались солнечные лучи, поскольку опустить балдахин как-то никто из них не удосужился.

Филипп спал на самом краю кровати, точно даже во сне пытался от него сбежать.

Илмари, возможно, даже пожалел бы несчастного инопланетника, произойди подобная история с кем-то другим. С кем-то вроде Исмари. А так — себя было жалче.

В конце концов, парень только приобрел — новый сексуальный опыт, к примеру. И титул принца-консорта целой планеты. К тому же от него собственный отец и не думал отказываться. А вот для Илмари последствия оказались весьма печальными. Мало того — судя по вчерашним откровениям тетки, человек, которого он считал своим другом, вовсе таковым не являлся.

Илмари еще раз глянул на супруга.

Что ж, если бы не отвратительно темные и короткие волосы, того можно было бы назвать привлекательным: правильные черты лица, отлично сложенное тело, развитые мышцы...

Илмари стащил вниз покрывало, чтобы убедиться — ну да, и совершенно безволосая грудь. С удивлением провел по ней пальцами — может, унианец и не мужчина вовсе?

Филипп зашевелился и открыл глаза. Обнаружив склонившегося к нему Илмари, немедленно потянул покрывало обратно, хрипло сказал:

— Отстань, у меня все болит.

— Пройдет, — Илмари не отпустил покрывало и опять скользнул рукой по гладкой груди. — У вас так принято, что ли? Бриться тут?

— Вот еще — бриться, — презрительно фыркнул тот. — Эпиляция. Мы же не животные, чтобы ходить мохнатыми.

— А мне нравится, — пожал плечами Илмари и нагло полез рукой вниз, обхватывая член мужа. — А тут почему не бреешься? Или как там...

Филипп вздрогнул и попытался его отпихнуть:

— Отвали.

— И не подумаю. Утренняя разрядка нам не помешает. А то потом весь день голова будет болеть. После наргари, — и он принялся ласкать немаленькое достоинство супруга.

— Говорю же — у меня все болит, — нахмурился тот, хотя больше не делал попытки освободиться. Напротив, член под ладонью Илмари дернулся и увеличился в размерах. Но Филипп все-таки упрямо прошептал: — Насильник.

— Не-а, — не согласился Илмари. — Супруг, которого ты сам выбрал. Да еще прилюдно признался в великой страсти. И я, знаешь ли, свое обязательно возьму, — он отшвырнул покрывало прочь и сполз ниже. — Раздвинь ноги пошире, милый, — после чего склонился над членом, забирая его в рот.

И пока Филипп, краснея от его ласк, не сдался и не откинул голову, вжимаясь в подушки, начиная неровно дышать и постанывать, думал о том, о чем в свое время долго рассуждали ученые мужи — о невероятном сходстве людей двух миров. Помнится, кто-то даже выдвигал версию, будто унианцы и варгарцы — представители одной ветви развития. Мол, не исключено, что когда-то некий унианский корабль потерпел крушение на Варгаре, и так здесь и зародилась разумная жизнь. Недаром же существовали примеры, когда варгарские женщины беременели и рожали от униан из Миссии — совершенно обычных детей.

А потом думать стало некогда, поскольку Илмари и сам возбудился, глядя в темные, шальные глаза неконтролирующего себя Филиппа. И не удержался бы от повторного проникновения, если бы, добравшись до ануса супруга, не увидел, как тот воспаленно распух. Пришлось ограничиться жадными взглядами на возделенное место и дробкой. Однако в удовольствии кончить на ногу мужа Илмари себе все-таки не отказал.

— Черт бы тебя побрал, — простонал тот, едва немного пришел в себя. — Я грязный, как... как...

— Сейчас позову слуг — вымоешься, — утешил Илмари, поднимаясь с кровати и отыскивая халат. — А потом будем лечиться.

— Что?

— Задницу твою смазать надо, — пояснил Илмари. — А то ходить затруднительно. К тому же к вечеру ты должен быть в форме.

— Что?!

— Время наргари, — напомнил Илмари. — Тридцать восходов, ты понимаешь?

— То есть мы... должны будем... еще тридцать дней? — задохнулся Филипп, глядя на него почти с ненавистью.

— Да, — кивнул Илмари. Потом зачем-то добавил: — Можем и дольше, если тебе понравится.

— Мне... Я не... в общем, нет! — яростно заявил Филипп. — Я не из тех, кто...

— Ладно, — пожал плечами Илмари, подходя к двери и небрежным взмахом подзывая сидящего поблизости Ва. А едва тот появился на пороге, велел ему заняться ванной.

Филипп немедленно замотался в покрывало с ног до головы.

— Кстати, насчет слуг, — припомнил Илмари. — Разговаривать с ними бесполезно, поскольку они глухонемые, к тому же комолингу их никто не учил.

— Ну и как я с ними должен обращаться?

— Знаками, — сказал Илмари. — Вставай с кровати, мне нужна простыня.

Филипп осторожно поерзал, проверяя, сможет ли нормально двигаться, потом все же нехотя поднялся, поморщился, наступив на холодный пол.

— Ночной горшок там, — ткнул пальцем в сторону ширмы Илмари.

Ва и Ли уже шустро наполняли бадью.

— Моешься первым, — великодушно разрешил Илмари.

И когда инопланетник, прихрамывая, скрылся за ширмой, жестом предложил Ту собрать белье с кровати и заменить его новым. А сам направился к стоящему в углу сундуку — там должна была храниться заживляющая мазь. Хотя, видят боги, он не думал, что ей доведется когда-либо воспользоваться.

— Вот дерьмо, — дергался в его руках Филипп, пока Илмари лечил его зад. — Вот же собачье дерьмо... Да чтобы... да нахрена такое... да никогда больше...

И задохнулся, когда Илмари нажал ему на тайное местечко, предназначенное для наслаждений.

Вообще, это очень заводило принца. Особенно учитывая, где находились его пальцы. Илмари даже не ожидал, что новоиспеченный супруг будет действовать на него так возбуждающе. В какой-то мере он выглядел особенно красивым, когда, не желая сдаваться на милость ощущениям тела, впивался пальцами в простыни или в предплечья Илмари и смотрел — одновременно мученически и страстно. Хотелось немедленно вогнать в него член, чтобы удовлетворить эту потребность в муке. И властно, по-хозяйски поцеловать влажные губы,

кривящиеся от страдания и удовольствия сразу.

Но он сдержался. Все-таки причинять излишнюю боль не следовало — Илмари никогда не являлся ее поклонником, а трещины в заднем проходе Филиппа были еще слишком свежи и могли снова начать кровоточить.

— А ты... — спросил Филипп потом, когда они позавтракали и уже одевались, — часто так... с мужчинами?

— У меня был постоянный любовник, — спокойно сказал Илмари, натягивая штаны. — До тебя. Последние пару сезонов... Ну и совсем давно, сразу после возраста тау — еще один.

— Возраста тау? — переспросил Филипп.

— Насколько я в курсе, у вас это называется совершеннолетием.

— А-а... И тебе это... нравится?

— Да, — кивнул Илмари.

— А женщины? — не удержался от вопроса Филипп. — Наши все рассказывали, какие у вас тут потрясающие лупанарии. Неужели во дворце нет ни одной умелой женщины?

— Почему же? Есть. От женщин я никогда не отказывался. Та самая Соли, о которой говорила моя тетка, тоже была моей любовницей.

— Э... до любовника или после? — Тьена, по-видимому, снесало любопытство.

— Одновременно.

— Как одновременно? Вы, что ли, втроем кувыркались?

— Зачем? — удивился Илмари. — Они оба — представители знатного дворянства. Они бы не потерпели друг друга в моей постели.

— А по очереди, выходит, терпели? — хмыкнул Филипп, натягивая рубаху.

— Ну, в любом случае, Рони знал, что кроме секса ему со мной ничего не светит. А Соли, по-видимому, не возражала, поскольку надеялась получить лишний слог в свое имя.

— Что значит — получить лишний слог? — заинтересовался Филипп, одергивая одежду.

— Стать членом королевской семьи, — объяснил Илмари. — Когда кто-то, у кого нет права с рождения обладать трехсложным именем, вступает в брак с представителем правящей династии — он получает слог «да» в середину своего. Так что, по нашим законам, ты теперь Фи-да-липп. Хотя звучит ужасно, — тут же признал он сам.

— Вот еще не хватало, — обиделся Тьен. — Не уродуй мое имя.

— Я тут ни при чем, — возразил Илмари. — Ты уж не обессудь, но в официальных бумагах тебя, скорее всего, теперь будут называть именно так: Фидалипп Нароби Илмари, принц-консорт, супруг второго сына правителя... Ты готов?

— К чему? — тут же насторожился Филипп.

— К публичному выходу, разумеется. Нас ждут.

Второй день не предполагал обязательных церемониальных нарядов, к тому же их свадьба несколько отличалась от обычной, поэтому и в зал они вошли в повседневной одежде. Ну как — повседневной для Варгара. Филипп же явно не привык носить штаны из натуральной ткани — то и дело их поправлял. Хотя не исключено, что у него просто болел зад и таким образом он пытался облегчить страдания. Илмари бы подумал, что в действительности Филиппу мешает смешная штучка, которую тот назвал «труссы» и натянул сразу после лечения, но, по идее, раз он отказывался идти без нее — должно быть, это один из традиционных предметов унианской одежды, и Филипп, скорее всего, давно к нему приучен?

Рубашку Илмари выбрал и для себя, и для супруга одинакового свободного покроя. Несмотря на жаркий осенний день, от сетки пришлось отказаться: все-таки им предстояло принимать официальные поздравления. Так что Илмари натянул голубую, обвязавшись желтым поясом, а Филиппа нарядил в желтую, самолично обхватив ее в районе талии голубым поясом. И пусть светлый тон только подчеркивал черноволосую голову — откровенно говоря, «не породистость» супруга была последним, чего следовало стыдиться.

Едва двери распахнулись, это подтвердилось самым недвусмысленным образом: заполонившие зал гости, как положено, освободившие им проход к трону, старались смотреть куда угодно, кроме как на молодую чету. И стояла звенящая тишина. Если бы не оркестр, торопливо загудевший незамысловатую мелодию, сгладить неловкость стало бы невозможно. Никогда еще королевскую свадьбу не встречали так вяло.

Илмари стиснул зубы, в очередной раз вскинул подбородок и, ухватив супруга за руку, потащил его вперед. В груди медленно разгорался гнев, которым не с кем было поделиться — вокруг виднелись лишь светлые макушки, а если нечаянно удавалось поймать чей-то взгляд, человек, точно провинившись, тут же отводил глаза.

— Твари, — не выдержав, прошептал Илмари, — низкие твари.

Он ел-пил с ними за одним столом, он провел рядом с ними несколько десятков сезонов, он знал каждого из них по имени — этого требовал этикет: обидеть кого-либо из приближенных неправильным обращением приравнивалось к оскорблению, — а в отношении многих хранил в памяти такие подробности, за которые, разгласи он их, господ аристократов давно бы выставили в Нижний город. Но никто из придворных, разодетых в дорогие костюмы, не нашел в себе смелости открыто на него посмотреть. На него и его супруга.

— Трусливые сволочи.

— Я не понимаю, что ты там бормочешь, — недовольно проговорил Филипп, о котором Илмари почти забыл и только сейчас понял, что ругается на варгарском.

— Посмотри на этих людей, — чуть обернулся к супругу Илмари, стараясь не шевелить губами, — и запомни, как переменчива судьба. Вчера любой из них стремился попасть в мою постель, надеясь, что получит с этого какую-нибудь выгоду. А сегодня они отказываются на меня взглянуть и ждут не дождутся, когда завершится обязательная часть нашей свадьбы. Если бы не отец — не сомневаюсь, нас давно бы закидали чем-нибудь несвежим.

— Почему?

— По их понятиям, все происходящее сейчас — непристойно.

Илмари сам не понял, почему вдруг отделил себя от остальных. Ведь он был частью этого мира.

Когда они приблизились, Отари не посчитал нужным подняться на ноги. Только приторно улыбнулся:

— Как спалось, дети мои?

— Спасибо, неплохо, — процедил Илмари, переводя взгляд на мать.

Та напряженно держалась за подлокотники трона, но молчала. И смотрела не на него, а чуть-чуть левее и выше. Но при звуке голоса сына все же глянула на него темными глазами. «Только не надо скандала!» — читалось в них, и Илмари покорно склонил голову.

Оркестр замолчал так же резко, как и начал играть. Тишина от этого зазвенела еще отчаянней.

— Поскольку утром я получил доказательство невинности твоего супруга, сын мой, — Отари подал знак, и от боковой двери отделился мажордом в парадной ливрее, встал посередине, чтобы всем было видно, и, встряхнув, развернул брачную простыню. После некоторого замешательства позади тихо загудели гости. Заплодировать никто так и не решился. А Отари продолжал, будто ничего не заметив: — Я принимаю его в семью, — теперь он поднялся.

Илмари смотрел на следы крови и спермы на белом полотнище в руках слуги и почему-то чувствовал, как его подташнивает. Пальцы Филиппа до боли стискивали его руку.

Отари приблизился, притянул к себе Филиппа, запечатлел на его лбу ритуальный поцелуй:

— Фидали Нароби Илмари, теперь ты принадлежишь к королевскому дому Варгара. Будь же достоин, — и тут же отошел, возвратившись на трон.

Илмари вяло подумал, как ловко отец вывернулся, отбросив мешающие согласные из имени Тьена.

— Во владения вам, дети, отдаю замок Барнаби. Живите с миром и правьте справедливо.

Илмари задохнулся от негодования. Но, снова поймав умоляющий взгляд матери, только угрюмо спросил:

— Когда нам отправляться?

— Сегодня же, — спокойно ответил Отари. — Думаю, вам не терпится обустроить семейное гнездо, не так ли?.. И, кстати, наши друзья из Миссии согласились помочь вам добраться туда как можно быстрее. Соберите только самое необходимое, все остальное отправится с караваном следом... Больше не задерживаю.

Заставив себя склонить голову в поклоне, Илмари развернулся и потянул за собой Филиппа, вновь пройдя сквозь молчаливый строй светлых макушек. Лицемеры. Ни одного честного человека.

И только у самых дверей спину прожег чей-то взгляд. Илмари обернулся — на него, не скрываясь, с торжествующей ухмылкой уставился Исмари. Ну да, можно не сомневаться — братец был на седьмом небе от счастья.

И только когда за ними закрылась дверь парадного зала и Филипп немедленно резко вырвал свою ладонь, Илмари заметил, в каком тот состоянии. Унианец был красен и зол, как голодный мерзауг.

— Ненавижу, — прошипел он в лицо Илмари. — И тебя, и твоё семейство! Ненавижу!

Церемониймейстер немедленно насторожил уши. Превратились в слух и прочие слуги, топтавшиеся поблизости. Замер даже проходивший мимо паж. И Илмари, не рассуждая долго, сгреб Филиппа в охапку и потащил в свои покои, яростно рявкнув:

— Не здесь!

В спальне Филиппа прорвало, и едва Илмари разжал руки — тот немедленно попытался его ударить. И еще, и еще. Илмари уклонялся, не пытаясь бить в ответ, не очень понимая, что случилось. В конце концов, когда ему надоело, поймал обе руки супруга, прижал к телу. Тот еще подергался, а потом сдался, сверля Илмари темными глазами.

— Что тебя так разозлило? То, что нас ссылают в Барнаби? Поверь — я и сам далеко не в восторге, но...

— Простыня! — простонал Филипп, и внезапно Илмари сообразил, что вся его злость — от стыда и отчаяния. — Какого хрена? Зачем?!

От неожиданности Илмари его отпустил и тут же получил в ухо. Рука у супруга оказалась тяжелая. Охнув, он снова скрутил Тьена, хотя теперь это оказалось сделать труднее — тот извивался и не желал сдаваться, проклиная варгарца на чем свет стоит. Но в результате Илмари все же удалось его обуздать, зажав руки за спиной и горячо дыша в затылок.

— Прекрати, — потребовал он. — Это обычай. Ничего особенного.

— Ничего особенного?! — снова взвился Филипп и попытался вывернуться из захвата. — Вот я сейчас тебя убью — и тогда точно ничего особенного не будет! Ты чем думал, когда позволил меня так позорить?!

— Это не позор, — снова попытался Илмари. — Наоборот, это честь.

— Тебе бы такую честь! — бесился Филипп. — Сам признался, что происходящее — непристойно, а теперь вдруг честь!

— Ну так...

Честно говоря, Илмари озадачился. Над этим он совершенно не задумывался. Хотелось почесать в затылке, но для этого требовалось выпустить Филиппа, а перспектива еще раз получить по уху почему-то не вдохновляла. Следовало срочно что-то придумать. Как-то успокоить. Но, как назло, в голову не приходило ни одной удачной идеи.

— Это сложно, — наконец признал он. — Потому что с одной стороны — честь, а с другой...

— Убью! — взревел Филипп, дергаясь в его хватке. — Плевать на все дипломатические отношения и на весь ваш гребаный солар!

Вообще-то, получить нож в сердце в собственной спальне тоже совсем не входило в планы Илмари.

— Послушай, — рассудительно начал он, — почему это тебя так взволновало?

— Ты еще спрашиваешь?! Ты имеешь наглость спрашивать?!

— Я не про то, — примирительным тоном сказал Илмари. — Еще вчера ты называл нас варварами. Разве что-то изменилось?

— А? — несколько растерялся Филипп и перестал рваться из рук.

— Ты реагируешь так, словно вдруг варвары стали иметь для тебя какое-то значение, — воодушевленно продолжил Илмари. — Не все равно заргу, что думает о нем крошечное насекомое, мимо которого он прошел сегодня по дороге? Не все равно горе, о чем шепчутся ветры у ее подножия? Не все равно...

— Хватит, — прервал его убаюкивающие словоизлияния Филипп, — я понял. Отпусти меня.

Дышал он уже ровнее, и Илмари рискнул разжать руки, отступая. После чего немедленно снова получил в то же ухо, не успев среагировать. В голове аж зазвенело. И сквозь звон слышалось:

— А это тебе за то, что не предупредил!

После чего Филипп, твердо ступая, прошел мимо него и скрылся за ширмой.

5.

Душная ослепительная ярость, первобытная, как солнечный шторм — вот что испытывал Филипп. Мало того, что ему навязали отвратительные противоестественные отношения, так еще и выставили их на всеобщее обозрение. Все, о чем он мог думать, сцепившись в покаях с Илмари — о мести за причиненное унижение. Варгарец был гибче и сильнее, но ненамного. Поэтому Филиппу удалось хоть слегка отплатить ему за тот кошмар, в который превратилась его жизнь на ближайшие год-два. Дальше Тьен не заглядывал, положившись на обещание отца освободить его от постыдного союза.

Из дворца их выпроводили в рекордные сроки. Местное светило еще не добралось до зенита, а вертолет уже взлетел с площадки перед Миссией и взял курс куда-то к северу, в противоположную от гор сторону.

Илмари сидел рядом с Филиппом, с любопытством поглядывая сквозь прозрачную стенку вниз.

— Куда мы летим? — мрачно поинтересовался Тьен, когда поля сменились бесконечным лесом.

— Что это за дыра?

— Ну... дыра, — Илмари неохотно оторвался от пейзажа. — Океан, бухта, порт. Вокруг городишко в четверть от Нароби. На уступе крепость и башня с огнем на вершине.

— Маяк? — уточнил Филипп.

— Да, — Илмари кивнул. — Внизу понастроено всякого. Ну, подворье там, стойла для заргов, склады для припасов, оружейная, домики для слуг. От столицы где-то двадцать восходов пути, если совсем не останавливаться.

— А климат какой?

— Что? — не понял Илмари. — А-а-а. Ну, в сезон урожая жарковато, а так там гораздо прохладнее, чем в столице. Ветры сильные — полсезона в океан дуют, полсезона с океана.

Он сунул палец в плетеную клетку и почесал надклювье некрупной серой птицы. Вторая клетка — с такой же птицей, но иссиня-черного цвета — стояла в ногах у Филиппа. Почтовых корхов им вручил посыльный от тетки Илмари, которая, видимо, обожала эпистолярный жанр. Илмари поморщился, но больше для вида — чувствовалось, что рад подарку. Собственно, это вообще был единственный подарок на свадьбу, который они получили. Если, конечно, не считать замка-маяка.

— Около Барнаби добывают водяные слезы, — задумчиво продолжил рассказ Илмари. — Там они особенные, ярко-розовые, и дорого стоят. Поэтому бухту все время стараются захватить вольные люди.

— Так, — Филипп повернулся к нему. — Медленнее и подробнее. Что такое водяные слезы и кто такие вольные люди?

— Водяные слезы вот, — Илмари небрежно ткнул пальцем в застежку на тунике, украшенную крупной жемчужиной. — А вольные люди — это вольные люди. Никому не принадлежат, живут общинами, грабят торговцев и мелких землевладельцев, которые не в состоянии содержать достаточно воинов.

— Разбойники то есть, — подытожил Филипп. — И много их там?

— Никто не считал, — Илмари отвернулся. — Друг на друга они тоже нападают. Барнаби, конечно, хорошо укреплен, и гарнизон там расквартирован достаточно большой. Но все равно это край земли.

— Лупанарии есть? — деловито осведомился Филипп. — Раз уж нас выставили из столицы, я не собираюсь больше соблюдать ваши дурацкие традиции. И эту мерзость тоже не стану. Я намерен вести нормальную сексуальную жизнь.

Илмари покосился на него, но ничего не сказал, только хмыкнул. Тьен надменно отвернулся и тоже принялся разглядывать однообразный пейзаж внизу.

Даже на вертолете с энергетической капсулой долететь до Барнаби удалось только к глубокой ночи. У Филиппа затекли все конечности, задница немилосердно болела, а в позвоночник словно воткнули раскаленное шило. Хорошо еще, что в пассажирском отсеке был предусмотрен туалет, пусть и крошечный. Иначе Тьен бы с ума сошел.

И еще его невероятно бесило, что Илмари половину пути проспал. Сполз в кресле так, что только макушка над спинкой виднелась, вытянул длинные ноги в проход, закрыл глаза и заснул. Как будто летать на вертолете для него было обычным делом.

Сначала Филипп увидел в кромешной тьме рыжий огонек, который начал стремительно расти. Скоро стали видны и очертания высокой башни, производившей чрезвычайно мрачное впечатление. Потом Филипп рассмотрел редкие и бледные огни, вытянувшиеся цепочкой где-то внизу, и понял, что это, скорее всего, порт. А затем вертолет плавно лег набок, разворачиваясь и снижаясь. Рядом в кресле завозился Илмари, громко, со стоном зевнул и пробормотал что-то на своем языке. И сразу вслед за этим башня стала быстро приближаться, вертолет сравнялся с пылавшим на вершине огнем, пошел по спирали ниже, направляясь к крепости, и, наконец, мягко сел, сложив лопасти.

Понятно, что обитатели замка-маяка никого не ждали. Они высыпали на площадку, держа в руках рвущиеся на ветру факелы, громко и озадаченно переговариваясь. Но когда Илмари спрыгнул на землю, все, как один, попадали на колени. Филипп, крихтя и охая, выкарабкался следом. Все, чего ему хотелось — добраться до любой постели, рухнуть на нее и уснуть.

Илмари, кажется, догадался о его желании — обернулся, обхватил за пояс, не глядя сунул свиток, перевитый золотисто-голубым шнуром, толстенькому человечку с факелом и повел спотыкающегося Филиппа куда-то в серый полумрак за распахнувшейся дверью.

К счастью, следом тут же кинулся один из факелоносцев. Иначе они оба сломали бы себе шеи: сразу за дверью начиналась довольно крутая лестница вниз. Цепляясь за Илмари и вытертые гладкие поручни, Филипп с трудом передвигал ноги, не представляя, куда они идут и как долго будут идти. Лестница казалась бесконечной, но за очередной дверью вдруг открылась довольно большая комната. Или она казалась такой, поскольку всего света в ней было — два факела в руках сопровождающих.

Илмари помог Филиппу устроиться на лавке, накрытой мягким ковром, и принялся командовать так, словно жил в Барнаби всю жизнь. Тьен не понимал ни слова, но судя по поднявшейся суматохе, принц потребовал еду, ванну и чистую постель.

В комнате разожгли камин, на стенах запылали факелы, на грубо сколоченном столе как по волшебству появились кувшин и огромное блюдо.

— Тротт под сладким соусом, — сказал Илмари и потянул за руку задремавшего было Филиппа.
— Ешь, пей и пойдем в постель.

Тротт оказался порубленной огромными кусками рыбой, плававшей в прозрачном желтоватом желе. Филипп внезапно почувствовал дикий голод. Вылавливая костяной ложкой сочные розоватые куски, кисловато-сладкие, тающие во рту, он наслаждался непривычным вкусом и лениво думал, что, может быть, здесь не так уж и плохо.

В кувшине оказалось что-то, напоминающее вино — сладкое, золотистое. Оно замечательно подходило к рыбе, и Тьен не заметил, как выпил два довольно вместительных кубка.

Спать захотелось сразу и очень сильно. С трудом открывая слипавшиеся глаза, Филипп ковылял по широкому коридору за мужем и думал только о постели. Все равно какой. Он бы и в коридоре уснул, наверное, но почтительные слуги, под руки сопровождавшие высоких гостей в покои, не давали ему упасть.

Кровать отличалась от кровати в Нароби разве что размерами — перин поменьше, балдахин покороче, белье попроще. Но Филиппу было наплевать. Он безразлично позволил стянуть с себя обувь, штаны, рубаху и упал навзничь в мягкие подушки, ни о чем больше не думая и проваливаясь в сон без сновидений.

Разбудили Филиппа прикосновения к шее и плечам. Не сразу сообразив, где находится, он протянул руку назад и наткнулся на что-то теплое и влажное. И только потом открыл глаза.

Сквозь ставни пробивался серый свет, а в щель между ними полз и тут же рассеивался туман. В огромном камине догорали последним тусклым светом угольки. А за спиной Филиппа тихо вздыхал и прижимался всем телом Илмари.

— Ты что? — недовольно спросил Тьен, окончательно просыпаясь. — Ты зачем меня разбудил?

Еще рано.

— Не рано, — Илмари обхватил его поперек живота и бесцеремонно положил ладонь на лобок, накрыв пальцами член. — Просто с моря туман несет, а так-то уже скоро пора обедать.

— Не трогай меня! — Филипп сердито дернулся, пытаясь отодвинуться. — Я не собираюсь...

— Да ну? — промурлыкал Илмари ему куда-то в затылок. — А по-моему, тебе очень даже хочется.

Филиппу действительно хотелось. Но, разумеется, не того, что предлагал чертов варгарец. Хотелось отлить, а потом затащить в постель какую-нибудь горячую девицу и доказать самому себе, что он все еще мужчина.

Нет, если говорить откровенно, не так все и плохо было в брачную, чтоб ее, ночь. Минет в исполнении Илмари оказался великолепен. Да и потом... то интересное место внутри... Забыть ослепительные всполохи возбуждения оказалось сложно. Но повторения Филипп все равно не хотел. Слишком унижительно принимать участие в противоестественном акте, да еще пассивной стороной. Он привык к иному распределению ролей в сексе и не хотел становиться для варгарца «женой».

Поэтому Тьен решительно скинул с себя ласкающую руку и приподнялся.

— Где здесь туалет? — мрачно спросил он у раскинувшегося на перине Илмари, который поглаживал себя по жесткому бледному животу.

— За дверью справа от окна, — лениво ответил тот. — И кувшин умыться там же.

— Кошмар какой-то, — пробормотал Филипп, опуская ноги на вытертый ковер. — Вместо нормального туалета лоханка, вместо умывальника вообще не пойми что. Дикость, варварство.

За дверью обнаружилось большое помещение с огромных размеров корытом, куда поместились бы двое, а то и трое человек, украшенный непонятными вензелями глиняный горшок, от которого пахло мочой, и дурацкое приспособление на ржавых цепях, которое требовалось наклонять одной рукой, чтобы потекла вода.

Судя по всему, Илмари здесь уже побывал: горшок был на треть полон, а в лоханке под умывальником тускло блестела грязная вода. Мыло на Варгаре уже придумали, с канализацией дело обстояло хуже.

Помочившись, Филипп набрал в ладонь жидкой, дурно пахнувшей жижи из плошки, тщательно вымыл член и зад, морщась, кое-как сполоснулся холодной водой, забрызгав деревянный настил. Затем намочил край длинной широкой тряпки, висевшей около корыта, тщательно протер зубы, прополоскал рот. В спешке отлета он не взял ничего из своих гигиенических принадлежностей, а как обходятся местные, еще не знал. Впрочем, от Илмари пахло довольно приятно — видимо, унианцы за сто с лишним лет кое-какие основы санитарии на Варгаре привили.

Вернувшись в комнату, Филипп обнаружил, что Илмари так и не встал с постели. Кроме того, Тьену все больше хотелось секса, хотя он старался не обращать внимания. Теперь он с сожалением и досадой подумал, что нужно было просто подрочить за дверью, но идти назад уже было поздно.

— Иди ко мне, — бархатным и каким-то тягучим голосом предложил Илмари и посмотрел на Филиппа из-под длинных девичьих ресниц. — Иди, не бойся, я тебе просто сососу. А потом ты мне. Иначе плохо будет. Ты вчера много выпил.

— Так это что, было вино из наргари? — холодея от догадки, ошеломленно спросил Филипп.

— Да все из наргари, — усмехнулся варгарец. — Я же тебе объяснял — мы будем его есть тридцать восходов. Такова традиция. Оно будет присутствовать в каждом блюде.

— И рыба? — обреченно прошептал Филипп, отказываясь поверить в очевидное.

— Рыба настоящая. А соус из наргари. Иди сюда, Фидали, не упирайся, — Илмари повернулся набок и похлопал рукой по перине.

— Не называй меня так, — мрачно ответил Тьен и неохотно присел на край кровати. — У меня есть нормальное имя, нечего его коверкать.

— Хорошо, — согласился Илмари и, неожиданно подавшись вперед, повалил Филиппа в подушки. — Ты будешь удивлен, но мне понравилось заниматься сексом с тобой.

«А мне нет!» — хотел крикнуть Филипп, но умелые пальцы как-то особенно нежно пробежались по члену, ласково и осторожно сжали мошонку, пощекотали промежность — и спорить расхотелось. А когда Илмари, перевернув Тьена на живот, раздвинул ему ягодицы и принялся вылизывать все еще саднящий анус, слова и вовсе исчезли, растворившись в остром стыдном удовольствии.

Без сомнения, варгарец знал, что делал. Да к тому же совершенно не видел никаких границ в сексуальном общении. Сам Филипп в постели придерживался довольно консервативных взглядов — позволяя любовницам себя ублажать, никогда особой инициативы не проявлял, да и фантазии его особым разнообразием не отличались. Илмари знал намного больше и щедро делился этими знаниями с Тьеном.

Прошло очень немного времени, и Филипп обнаружил, что сам приподнимает зад, подставляясь под непристойные ласки и постанывая в душные подушки. Открытие на мгновение повергло его в смятение, но тут в анус проскользнул мокрый от слюны палец, коснулся того самого места — и Тьена едва не подбросило от мучительно-яркого ощущения.

А потом думать стало некогда. Илмари работал обеими руками сразу: пальцами одной двигал в заднице Филиппа, другой ласкал его член. Коротко и быстро покусывал ягодицы, вылизывал удивительно чувствительное место прямо над копчиком. Тьен метался по перине, стонал, вскрикивал и совершенно не вспоминал о том, что совсем недавно считал подобные удовольствия постыдными и противоестественными.

Когда Илмари, нарушая свое же обещание, ткнулся членом в заботливо подготовленное отверстие, Филипп хотел уже только одного: кончить. Возбужденный член ныл и пульсировал так, что казалось — сейчас вместо спермы из него хлынет кровь. В ушах стоял грохот, во рту пересохло, а по вискам крупными каплями катился пот.

Илмари то стонал, то рычал, дергая Филиппа на себя за бедра, натягивая, словно неразношенную перчатку, впиваясь жесткими пальцами. И все это вместе — звуки шлепающихся друг о друга тел, острые запахи, ознобный воздух, вкус крови на прокушенных губах — заводило Филиппа так, как он и предполагать не мог.

Отдышавшись после небывалого по силе оргазма, отправившего обоих любовников куда-то за пределы реального мира, Филипп набросился на Илмари с упреками. Он бы и с кулаками набросился, но сил хватило только на то, чтобы сползти с мокрого липкого пятна на сухое место.

— Ты же сказал — только отсосешь!

— А что, не понравилось? — Илмари лежал на спине, закинув руки за голову и разглядывая каменный беленый потолок. На шее остро выделялся крупный кадык, на подбородке отчетливо виднелась рыжеватая редкая щетина. — Я не заметил, чтобы ты был как-то особенно недоволен.

— Урод, — ответил Филипп и со стоном перевернулся набок, спиной к варгарцу. — У меня все болит. Я встать не могу.

— Пройдет, — сонно пробормотал Илмари. — Можешь хоть целыми днями валяться — все, что нужно, принесут. Есть будешь?

— Пошел ты! — Филипп натянул на себя одеяло и закрыл глаза.

Стоило бы потребовать ванну, слуг, хороший обед, но каждая мышца ныла так, словно Тьен лично разгрузил звездолет. Шевелиться не хотелось. К тому же когда возбуждение прошло, зад заболел с новой силой. Внутри неприятно хлюпало, и создавалось ощущение, что кровь пополам с содержимым кишечника выльется из Филиппа, едва он попытается встать. Отвратительно.

К счастью, Илмари оказался опытен не только в сексе, но и в вопросе преодоления его последствий. Филипп слышал, как он встал, затем скрипнула дверь покоев и варгарец что-то крикнул в эхом отозвавшийся коридор.

Тотчас вокруг поднялась суета. Сквозь ресницы Тьен видел, как потянулась в ванную комнату вереница слуг с огромными кувшинами, из которых поднимался пар. Прибежал какой-то невысокий человечек с холщовой сумкой, разложил на столе странные предметы, напоминавшие короткие загнутые ножи. Илмари, не стесняясь наготы, уселся на лавку, и человечек тут же накрыл его лицо мокрой тряпкой — тоже исходящей паром в холодном воздухе. А потом намазал Илмари лицо каким-то снадобьем из глиняного горшка и принялся брить.

Дальше Филипп не видел: его со всей почтительностью подняли из постели и под руки повели в уже знакомое помещение за дверью — злого, смущающегося и краснеющего до слез.

Здесь никто из слуг космолингва не знал, но этого и не требовалось. Филипп не успел опомниться, как его уложили в наполненную горячей водой ванну и принялись мыть в четыре руки. Это было неловко и на удивление приятно. Тьен даже задремал под этими осторожными ласкающими прикосновениями.

Когда он вернулся в комнату, выяснилось, что Илмари тоже успел принять ванну, только где-то в другом месте, и уложить волосы. Кровать оказалась застелена чистым бельем, а сверху аккуратно разложена одежда: что-то вроде замшевых свободных брюк и длинная рубаха, вышитая золотом и лазурью. У кровати стояли вычищенные до блеска ботинки Филиппа.

Обедали внизу в большом зале, за длинным деревянным столом, сидя на противоположных концах. Филипп плюнул на осторожность — все едино проклятого наргари не избежать — и с

аппетитом уминал то, что попадало в его миску. Это опять была рыба — самая разная. Жареная, вареная, под маринадом, в сладком соусе, с тушеной зеленью, крупная, мелкая, порубленная кусками и перемолотая в фарш. И хотя после обеда его снова потянуло в сон, Илмари не позволил.

— Пошли, нужно осмотреться. Нам тут жить неизвестно сколько.

Во дворе клубился серый туман, а где-то совсем недалеко с грохотом разбивался о берег прибой. Илмари выругался и повернулся с каким-то вопросом к сморщенной старухе, сопровождавшей их с того момента, как Филипп и Илмари вышли из спальни.

Естественно, Тьен не понял ни слова и дернул мужа за рукав.

— Что ты ей сказал?

— Велел, чтобы показала нам двор. Где тут зарги, если они есть, где оружейная, где расквартирован гарнизон. Ну и сокровищницу, если тебе любопытно.

— Мне холодно, а не любопытно, — мрачно ответил Филипп. — Можно найти что-то потеплее этой тряпки?

Илмари снова приказал непонятное, и очень скоро на плечи Филиппа накинули нечто вроде шубы из очень красивого пушистого серебристого меха. Сразу стало тепло и уютно. Тьен закутался в длинные полы и двинулся за мужем осматривать свои владения.

6.

Владения, как и ожидалось, оказались невелики. Мэг, здешняя домоправительница (называть ее иначе язык не поворачивался — слишком не похож был Барнаби на королевский замок, а слуги — на расторопных и всегда подтянутых лакеев), шаркала впереди, звякала ключами. Поджав губы, демонстрировала амбары, склады, казармы. Подниматься на маяк они не стали — его громада, нависающая над крепостью, и так была хорошо видна отовсюду.

— В стойлах — пятеро заргов и живут несколько мельхов, — оповестила Мэг напоследок. — Так что позже сможете поохотиться.

С крепостной стены на них без стеснения пялился дозорный, свесившись во двор, и Мэг крикнула ему:

— На посту стоишь или корхов считаешь?

Дозорный немедленно отшатнулся и развернулся лицом к океану.

— Ты заодно и гарнизоном командуешь? — усмехнулся Илмари.

— Муж командует, — ответила она. — Сейчас он в отъезде, отправился в Гарани — говорят, там народ стал пошаливать.

— И тебя назначил старшей? — вопросительно поднял бровь Илмари.

Мэг дернула плечами:

— Я сама себя назначила... Пойдемте дальше, Ваше Высочество? А то у меня дела стоят.

— Дальше мы сами, — Илмари отпустил ее движением кисти.

Мэг, коротко поклонившись, бодро зашаркала обратно к дому.

Илмари, конечно, догадывался, что на окраинах к правящему дому Нароби относятся весьма прохладно. Им тут, на задворках мира, от столичных страстей ни жарко, ни холодно. Как жили веками — так и живут, кто бы ни принимал власть над Варгаром. Однако все-таки не ожидал, что к появлению наследного принца на своей территории в Барнаби отнесутся так равнодушно. Да, они подчинялись, да, были послушны, но почитанием тут и не пахло, а уж тем более — восхищением. Никто не пялился на его светлые волосы, на две неизменно-темные пряди (ну разве что давешний молодой дозорный), не пытался упасть ниц в надежде выпросить какие-то милости. Мало того — Илмари заметил нескольких шатенов среди прислуги, что в Нароби было абсолютно недопустимо. Да и сама Мэг седая — кто знает, какой цвет изначально был присущ ее волосам? И вообще окружающие вели себя так, точно особы королевской крови расхаживают тут по двору каждый день и не то чтобы надоели, но слегка наскучили. Особенно своими выходками — вот ведь, и не стыдно людям нахально демонстрировать такого супруга! Впрочем, у этих аристократов вечно все не по-людски...

Это было... необычно. Но, видимо, следовало привыкать. Отари вряд ли изменит свое решение — он явно списал второго сына со счетов.

Заходя к заргам, Илмари на какое-то время задумался, сможет ли он тут жить. Но когда в ноздри ударил теплый, пропахший навозом воздух, отбросил ненужные сомнения — ведь ничего нельзя было изменить — и с улыбкой поспешил к стойлам. Мельхи из отгороженного специально для них угла встретили вторжение чужаков вялым побрехиванием, точно им лень было просыпаться из-за такой мелочи.

Да уж, зарги здесь хоть и имелись, однако в королевские стойла их бы никогда не взяли. Вздохнув и потрепав одного, с благородной сединой в серой шерсти, по морде, Илмари, взглянув на мужа, все-таки приказал оседлать пару крутившемуся поблизости груму.

— Проедемся, — коротко пояснил он супругу.

Филипп только пожал плечами.

То, что идея с прогулкой оказалась не самой удачной, Илмари понял почти сразу, едва они выехали за ворота. Филипп кусал губы и морщился при каждом шаге своего спокойного зарга, шерсть которого была какого-то невнятного бурого цвета.

— Зад болит? — сочувственно спросил Илмари.

Филипп только кинул на него гневный взгляд и предпочел промолчать.

— Мы только спустимся до маленькой бухты, — решил Илмари.

Туман к этому времени разошелся клочьями, и навстречу дул свежий ветерок с запахом океана.

— Ты собирался показать мне сокровищницу, — после недолгого молчания проговорил Филипп.

— Она в крепости. Потом.

Не будь рядом Филиппа, Илмари пустил бы зарга вскачь по кромке воды, проехался по

галечному берегу, всматриваясь в синюю даль. Затем добрался бы до поселения и, минуя его и порт, направился в негустой подлесок — поглядеть вокруг и испытать скакуна. В отличие от еще вовсю зеленевших парков Нароби, здешние деревья уже стояли почти нагими, но потоптаться по палой листве, вдыхая легкий запах начавшегося гниения, тоже было бы здорово...

Но когда они очутились у бухты, Филипп чувствовал себя совсем неважно — он побледнел и, несмотря на бриз, на лбу выступили капли пота. Поэтому Илмари спешил и привязал заргов к ближайшему колышку. Филипп с нескрываемым облечением тоже сполз со спины своего зверя.

Какое-то время они молча бродили по пустынному берегу. Филипп разглядывал лодки и снасти, точно никогда не видел. Потом Илмари присел на огромный валун, закрыл глаза и глубоко вдохнул, стараясь проникнуться духом этого места.

— Мрачно как, — голос Филиппа прозвучал совсем рядом.

— Осень, — ответил Илмари, не открывая глаз. — Весной тут будет красиво. И вода под солнцем светится.

— В Луна-сити вода — ценность. Там нет морей.

— А на Земле? — спросил Илмари.

— На Земле есть, конечно. Но на Земле живут неудачники. Туда можно слетать несколько раз типа на экскурсию, но жить лучше в комфорте.

— Ты и сюда прилетел на экскурсию, — напомнил Илмари. — Собирался познакомиться с жизнью варваров?

Филипп отчаянно засопел и отошел.

А Илмари думал, как же можно было так: ради комфорта отказаться от всего этого — неба, леса, океана, свежего ветра — и уйти в закупоренные отовсюду города? Про Унию им с братом рассказывали с детства, но с таким интересом он никогда об этом не размышлял. Наверное, потому, что не был близко знаком ни с кем из унианцев. А теперь...

Он посмотрел в спину швыряющего в воду камешки Филиппа.

Откровенно говоря, тот начинал его привлекать все больше. Илмари даже не подозревал, что когда-нибудь сможет запасть на брUNETа. Это было что-то из области фантазий, не иначе. Темноволосые — существа низшей касты, им место только в Нижнем городе, а не в постели принца. Однако когда впервые увидел Филиппа — еще тогда подумал, что тот выглядит неплохо и, может быть, подружиться с ним не так уж и скверно. Поэтому в дворцовом саду подошел к нему пусть не с симпатией, но с любопытством. И вот чем все закончилось...

— Назад ехать сможешь? — спросил он супруга. — А там я тебя подлечу опять...

После ужина они еще осмотрели сокровищницу. Филипп залюбовался водяными слезами, но не как чем-то, что стоит баснословные деньги, а как бесполезным, однако забавным экспонатом. Илмари же и вовсе глядел на драгоценности без интереса. Побрякушки, которых видено и переносено немало. Разве что здесь водяных слез собралось много — столько сразу в одном

месте он раньше не видел.

Гораздо больше его увлекла оружейная. В которой на стенах висело такое, что Илмари до ночи проторчал там, переходя от одного предмета к другому, разглядывая, трогая, пробуя, как ложится в руку. Все оружие содержалось в идеальном порядке, слегка поблескивая полировкой в свете факелов. А один меч и вовсе, казалось, выковали специально для него — идеально подошел и длиной, и балансировкой, а рукоять ощущалась в ладони как влитая. Илмари даже не выдержал — помахался с воображаемым противником, с удовольствием слушая, как поет рассекаемый воздух.

Филипп давно ушел в спальню — пялиться на железное барахло ему надоело быстро. Где-то Илмари его понимал: ну еще бы, когда уровень твоей цивилизации позволяет изготавливать и экспортировать энпидезы, наверное, такой арсенал впечатлить не может. Однако Илмари, хотя и умел управляться с инопланетным оружием, предпочитал все-таки меч. Нажать на кнопку и сжечь непокорного может всякий, а вот победить противника в бою один на один...

Порой Илмари даже полагал, что секс с мужчинами нравился ему в том числе из-за этого — из-за ощущения борьбы, боя. Один покорялся, другой покорял. Хотя мечами тут и служило нечто другое.

А подумав об этом, Илмари вдруг понял, что наргари давно призывает его уделить внимание супругу. Что ж, он не имел ничего против. И, вложив меч в ножны и повесив его на место, направился в спальню.

Где его темным, опасным взглядом встретил изнывающий на кровати Филипп. Видимо, сегодня он не настолько вымотался, чтобы уснуть без задних ног, игнорируя зов плоти.

— Сейчас, — Илмари торопливо стянул с себя рубаху. — Я скоро, — и скрылся в умывальне.

Разумеется, Тьен снова ничего не хотел, хотя его тело утверждало обратное. И усердно изображал из себя бревно, пока Илмари ласкал его гладкую грудь, внезапно найдя в этой гладкости своеобразное удовольствие. «Как у девушки», — подумалось ему, но вслух говорить он благоразумно не стал, продолжая скользить пальцами и языком, уделяя внимание сморщенным соскам. Давно напрягшийся член любовника Илмари старательно игнорировал. Пусть помучается — сговорчивее будет. А для нежных прикосновений существовало немало иных мест — шея, плечи, ребра, низ живота... Илмари нравилось, как супруг вздрагивал. Как дергался его член. Как он комкал в кулаках простыню в тщетной надежде не выдать своего желания.

А потом Филипп внезапно перевернулся и подмял Илмари под себя, обхватив запястья и вбивая колено между бедрами.

— Я думаю, сегодня ты побудешь моей женщиной, — жарко прошептал он варгарцу в лицо, прижимая горячим телом к перине.

Какое-то мгновение Илмари, из которого мгновенно выбило дух, не мог ничего ему возразить, а Филипп не то целовал, не то кусал его губы своими — тоже искусанными и обветренными, вжимался пахом в пах, заставляя выгибаться навстречу. Но потом варгарец опомнился:

— Ничего подобного, — он резко перехватил руки супруга и слегка укусил за ухо. — Даже не надейся.

Какое-то время они яростно боролись, перекатываясь по кровати туда и сюда, пару раз едва не

упали. Это только еще больше заводило — запах пота, вожделения, сталкивающиеся руки, губы, члены, оставляющие на телах влажные следы. Филипп был ничуть не меньше Илмари по росту и весу, но гораздо менее тренирован. Так что в конце концов победа досталась варгарцу. А поскольку Тьен продолжал вырываться, Илмари просто связал его запястья поясом от рубахи и прикрутил к резной спинке кровати, а на брыкающиеся ноги сел. Прямо перед ним гордо вздымалось явное доказательство возбуждения супруга, и Илмари, не выдержав, протянул руку, легко пробежался пальцами по стволу.

— Какой ты! — протянул он, одновременно стараясь отдышаться после борьбы. — Что ж, хорошая попытка, засчитано.

— Пусти, скотина, — мученически простонал Тьен. — Я больше не хочу так! И не буду!

— Будешь, — ласково пообещал Илмари. — И хочешь, не ври.

— Это не я, это проклятое наргари! — отказался Филипп.

И в этот момент Илмари нагнулся и наделся ртом на его член.

Филипп среагировал задушенным воплем. Илмари издал понимающее хмыканье, на которое супруг ответил резким толчком бедер.

Все-таки он был удивительным, этот Филипп Тьен, которого следовало лишь немного разгорячить — и он превращался в настолько привлекательную и горячую штучку, что никакому Рони не снилось. Как он вскидывался, как елозил головой по подушке, как, раскидывая ноги, коротко вскрикивал и страстно постанывал! Никто бы не устоял, а уж тем более — второй сын правителя Варгара, известный своим интересом к мужчинам.

Илмари хорошенько смазал пальцы и оторвался от сосания члена Филиппа. Тот немедленно приподнялся, отыскивая его мутным взглядом, в котором горело повелительное: «Еще!». Но губы оставались сомкнутыми.

— Наргари — это вот, — Илмари показал на его багровый от прилившей крови член, а потом, недолго думая, запустил сразу два пальца супругу в анус, нашаривая нужное место. — А вот это — ты, — он принялся резкими толчками массировать внутри, и Филипп при каждом прикосновении послушно подкидывал бедра, раздвигая их шире. Лицо кривилось в страдальческой гримасе. — И ты меня хочешь. Признай это.

Филипп, не в силах открыть рот, только яростно замотал головой.

— Не настолько ты чужд моим извращениям, как пытаешься показать, — объяснял ему Илмари, продолжая свои действия и одновременно скользя другой ладонью по внутренней стороне бедра мужа. — Поверь, я кое-что в этом смысле. Только твое упрямство не позволяет тебе признать, что секс с мужчиной может быть великолепным.

Зажмурившись, Филипп выгнулся, одновременно откидывая голову так, что Илмари видел только нижнюю часть подбородка, белую шею с ходящим вверх-вниз кадыком и до предела натянутый пояс, привязанный к резной перекладине.

Тогда Илмари вытащил пальцы и приказал:

— Скажи, что хочешь меня.

Филипп замычал непонятное, бессвязное, выгибаясь еще сильнее.

— Скажи, что ты меня хочешь, — снова потребовал Илмари.

— Трахни меня уже, садист! — это прозвучало невнятно, в сторону кровати спинки.

Илмари молча смотрел на супруга, не позволяя себе отдаться на волю рвущемуся желанию, хотя членом, кажется, уже можно было колоть дрова. И дождался-таки.

— Да-да, я хочу! Хочу! — Филипп поднял голову, глядя на него со страстью, больше похожей на ненависть. — Трахни! Трахни! — он почти взвыл, и Илмари не заставил себя долго ждать.

Секунда — и он уже нанизал на себя изнывающее тело. Филипп ахал и помогал, нетерпеливо двигаясь навстречу. И когда Илмари вошел в него до конца, задергал связанными руками над головой:

— Развяжи, развяжи!!!

Узел был особый, охотничий. Он никогда не затягивался и в то же время не развязывался. Дернуть за нужное место веревки труда не составило, и пояс мгновенно был отброшен прочь, сам Илмари захвачен в плен сильными горячими руками, а ногами Филипп обвил его талию и рывкнул:

— Давай же!

Это было настолько невероятно хорошо и обжигающе, что Илмари подчинился немедленно и охотно, начиная двигаться в горячем и узком, время от времени виляя задом, чтобы добавить в наслаждение новые краски. В ушах звенело, перед глазами время от времени появлялась пелена и приходилось смаргивать капли пота, член распирало от подступающего оргазма, яйца ныли, а упирающиеся в перину руки дрожали от напряжения. И когда Филипп под ним забился, пачкая живот своей спермой, Илмари немедленно кончил тоже, проваливаясь в блаженное ничто.

Выплыв из забытья, он ощутил какое-то безмятежное примирение со всем миром. Тело сладко гудело и нежилось на теплом...

— Слезь с меня, — сипло приказал Филипп, и Илмари, благодарно прикоснувшись губами к его щеке, скатился на кровать рядом. Лег набок, постаравшись устроиться поудобнее.

— Я тебя ненавижу, — тускло проговорил Филипп куда-то в потолок. — Господи, как же я тебя ненавижу! Иногда кажется: помри ты прямо сейчас — я бы сплясал на твоей могиле.

Илмари, ни капли не рассердившись, ласково провел рукой по груди по-прежнему лежащего на спине супруга. В той неге, что овладела его телом и разумом, варгарцу казалось, он где-то даже понимает Филиппа: трудно признать, что получаешь удовольствие от секса, который всегда считал постыдным.

— Ты прекрасен, — сказал ему Илмари совершенно искренне.

Хотелось почему-то нежности. Может быть, для того, чтобы Филипп тоже ощутил это — гармонию с самим собой и окружающим.

— У меня никогда еще не было таких любовников.

Тьен упрямо молчал.

А Илмари потянуло его как-то утешить, объяснить.

— Прости, — он продолжал поглаживать его грудь, ребра, живот, — но принцы не бывают снизу.

— Обычай? — непонятым тоном спросил Филипп.

— Хуже — почти закон, — отозвался Илмари.

— Чем хуже?

— Обычай можно иногда нарушить, — объяснил Илмари. — И мы с тобой — живой тому пример. Закон нарушать нельзя. Если бы тогда хоть кто-то еще узнал...

Илмари спохватился и прикусил язык. Но оказалось поздно.

— Узнал что? — Филипп повернул к нему голову. Глаза блестели сухим блеском.

— Ничего, — Илмари попытался убрать руку.

— Нет, договаривай, — Филипп поймал его пальцы. — Кто-то узнал, что ты нарушил закон? Ты спал с мужчиной, и он был сверху?

Илмари невольно напрягся, и Филипп явно это заметил.

— Вот как, значит? — неприязненно протянул он. — С супругом ему закон не позволяет, а с любовником...

— Я тогда едва-едва достиг возраста тау и влюбился! — не выдержав, повысил голос Илмари, надеясь, что не покраснел. — И это был мой первый опыт с мужчиной. Я не знал!!!!

Хорошее настроение и любовь к миру куда-то улетучились.

— Что ж, как известно, незнание закона не освобождает от ответственности, — прошипел Филипп. — Теперь это знаю я и могу всем рассказать!

— Рассказывай! — Илмари резко сел на кровати и попытался вырвать ладонь у мужа. — А я посмеюсь, когда ты попытаешься объясниться с людьми, ни слова не понимающими на твоём языке. Ты забыл, где мы?

Тьен, не выпустив его пальцев, дернул Илмари на себя.

— Я напишу тем, кто понимает мой язык, — он явно глумился. — И тебя никогда не допустят в Нароби.

Илмари усмехнулся и улегся обратно к нему под бок, успокоившись так же быстро, как и рассердился.

— Меня и так не допустят, — сказал он. — А мой царственный родитель без тебя в курсе. Именно Отари тогда удалил из дворца Кини, казнил разболтавшего о нас слугу, высказал мне все, что думает, и предупредил: еще одна какая-нибудь вопиющая выходка — и он позаботится о том, чтобы я не мог позорить славное имя семьи.

Илмари помолчал, потом вздохнул:

— После этого я и завел себе глухонемых слуг. И любовницами моими долгое время были только женщины. А когда появился Рони... ну, мы не распространялись о наших отношениях. И он, в отличие от тебя, все понимал и не рвался быть сверху.

— Значит, он настоящая баба, — глухо проговорил Тьен. — А я не таков.

— А ты просто невежественный унианец, — вздохнул Илмари.

Теперь внезапно взвился Филипп:

— Я? Я невежественный? Да что ты себе вообразил, варвар несчастный?! Да ты хотя бы понимаешь своим маленьким первобытным умишком, что если бы не Тьены — вашей цивилизации давно бы не существовало? Ты в курсе вообще, что экспедиция, которая вас нашла, была отправлена искать планеты земного типа для расселения наших людей? Никому нахрен не сдалась тут разумная жизнь. И вас бы всех извели здесь к чертовой бабушке еще до того, как общественности стало известно, что в космосе найдены люди, если бы ученые нашей компании не открыли чудесные свойства солара? Мало того, если бы не его счастливая для вас особенность, само его наличие вашу расу ни от чего бы не спасло — собирать солар можно и на пустынной планете.

— Счастливая особенность? — переспросил Илмари. — И в чем она заключается?

Никакого счастья от солара он не видел — тот рос в самых неприятных местах и считался сорняком. Счастье проявилось только в том, что это растение позволило варгарцам иметь товар, необходимый более могущественной цивилизации и, соответственно, что-то получать взамен.

— Ты даже этого не знаешь? А имеешь наглость называть невежественным меня... — Филипп почти успокоился, хотя ноздри еще гневно раздувались. — Ваш драгоценный сорняк растет только на человеческом дерьме. На вашем дерьме, понимаешь? Причем животное говно ему не подходит. И уничтожить вас — означает полностью загубить популяцию бесценного растения. Наши ученые давно все просчитали.

— Вот как? — растерянно произнес Илмари. — Я не знал.

— Это называется симбиоз. Такой своеобразный симбиоз. Уничтожишь вас — убьешь и солар тоже. А наши уже пристрастились к благам, получаемым из него. Здоровье и долголетие — единственный товар, который раньше нельзя было купить. А теперь можно. Тьены его продают разлитым в бутылки, втиснутым в тубы и упакованным в капсулы. Задорого, конечно, но оно того стоит.

— Симбиоз... Но ведь эти же самые ваши ученые считают, что варгарцы и унианцы — потомки одной ветви, так почему...

— ...не привезти сюда срать целый миллион унианцев, заместив ими вас? — подхватил Филипп. — Чтобы они разобрались, насколько ценный продукт солар, и присвоили его себе? Нет, мой отец еще не сошел с ума. Колонию здесь он устраивать не будет. Кстати, для этого вы тоже хороши: путь колонистам перекрыли введением моратория на вмешательство в развитие вашей цивилизации. Типа, братья по разуму.

— Можно не привозить людей, — возразил Илмари. — А только их отходы.

— Гнать за тридевять парсеков космолеты, полные фекалий? Ты серьезно? — развеселился Филипп. — Многокредитные полеты, чтобы привезти сюда дерьмо и сбросить вниз? Да ты шутник!.. К тому же у нас давно никто не оставляет свои отходы где попало, как вы, — он поморщился. — Тысячи лет, как все вторичное сырье перерабатывается и снова идет в дело, в том числе и отправления человеческого организма. Переделывать всю тщательно налаженную и давно эксплуатируемую систему никто не будет. Мы шли к ней веками. И все построили под нее. Так что проще оставить вас по-прежнему срать на вашей территории.

— Мгм, — сказал Илмари. Помолчав, добавил: — Ну, спасибо, что рассказал.

А потом, еще помолчав, повернулся к супругу спиной и закутался в покрывало. Филипп спустя пару минут поступил точно так же.

Встали они поздно, и в этот день практически не разговаривали. Илмари написал письмо тетке, отослав его с корхом. Потом еще помахал мечом в оружейной, поглазел в окно на снова собирающийся туман и решил сегодня отказаться от прогулки. Звать Филиппа с собой совершенно не хотелось, а оставлять его одного, не способного даже толком объяснить слугам, что ему требуется, казалось не совсем правильным. Поэтому все время после обеда Илмари провел в библиотеке, листая рукописные фолианты.

К вечеру туман сделался как-то особенно густ, поэтому ужинали они практически в полной темноте. Мэг тихо прошла по трапезной, зажигая светильники. Остальных слуг не было видно.

Филипп ел мало, подозрительно рассматривая каждый кусок мяса, подносимый ко рту, пил только воду, а к соусу вообще боялся притрагиваться. Илмари, в принципе, не мог его осуждать, хотя вставать на позиции Тъена делалось сложновато: в конце концов, они ведь женаты! Что за глупости? И здесь нет никого из соотечественников унианца, кто бы мог их осудить. К тому же Илмари знал, что он довольно умелый любовник, да и поведение супруга в постели не оставляло сомнений: их секс ему не так уж и неприятен. Так к чему теперь эти игры?..

Но долго размышлять о странностях поведения инопланетника он не стал — отвлекся на ворчание Мэг.

— Что ты сказала? — повернулся он к ней.

— Погода, говорю, мерзкая, — отозвалась она. — Зря Лу уехал в Гарани. Гаранцев, конечно, приструнить надо, но и на защиту замка следовало кого-то оставить. Осенью вольные люди всегда лютуют.

— Опасаешься нападения? — прямо спросил Илмари.

— Наши амбары полны, а вольные люди всегда голодны, — ответила Мэг. — К тому же приближается время каравана, приходящего за водяными слезами. А всем известно: это означает, что наше хранилище тоже собрало неплохой урожай.

— Я видел сегодня днем нескольких воинов. Значит, Лу забрал в Гарани не весь гарнизон.

— Не весь, но остались в основном юнцы. И Лу всегда говорил, что у его заместителя много отваги, но не хватает ума.

— У Барнаби мощные стены.

— Стены — это всегда хорошо, — кивнула Мэг. — Но главное — в людских головах. Надо, чтобы там были такие же прочные защитные стены. И, желательно, мозги.

— Ну, теперь здесь есть я, — напомнил Илмари.

— А-а, ну да... — она помолчала. Потом поинтересовалась: — Вам что-нибудь еще подать, Ваше Высочество?

— Нет, спасибо, — отказался он, размышляя, почему, помимо достаточно вольного обращения с членами королевской семьи, в этой заднице мира прижилось еще и какое-то пренебрежение к их способностям предводителей?

Одно то, сколько сезонов их династия удерживала власть над всем Варгаром, неужели не должно было внушать уважение?

Мэг, шаркая разношенными башмаками, удалилась.

— О чем вы говорили? — недовольно спросил Филипп. — Между прочим, невежливо бормотать при мне на языке, который я не понимаю.

— Учи варгарский, — пожал плечами Илмари. — Вряд ли старая Мэг способна освоить космолингв.

Вместо того чтобы испытать сочувствие к супругу, Илмари отчего-то почувствовал раздражение. Ну его со всеми его выкрутасами. Сам Илмари потерял гораздо больше, чем девственность, но, тем не менее, старался вести себя по отношению к мужу прилично, понимая, что им каким-то образом надо отыскать общий язык. Тот же держался так, точно супружество его ни к чему не обязывало. А ведь это не случайная связь на несколько восходов. Но, собственно, чему тут удивляться и чего ждать? Он же для Тьена варвар, не стоящий внимания высшего существа...

В спальне Илмари сразу же повалился на кровать и отвернулся от супруга. Тот еще поплескался в умывальне и только потом улегся рядом, как ни странно, не попытавшись возражать против соседства. Лишь демонстративно погромел блюдом, убирая с треножника наргари. Но Илмари не собирался трогать ни плоды любви, ни Филиппа. Внутри зрело какое-то молчаливое упрямство. Пусть лучше ему будет плохо от сока наргари, подмешанного в еду, но первым он больше к Филиппу не прикоснется. Пара дней на голодном пайке без секса — и тот сам попросит супруга втрахать в него немного разума.

Когда погасла свеча возле кровати, Илмари уже спал. И снился ему какой-то далекий город, совсем не похожий на варгарские поселения. Полный диковинных существ, приспособлений и спешащих людей в странных блестящих костюмах. Филипп тоже там был — водил его везде, держа за руку, как ребенка, все объяснял и показывал, и глаза у него при этом были не угрюмо-неприятные и не затянутые дымкой навязанной страсти, а живые и веселые. И улыбался он совершенно искренне, светло. Но вдруг Филипп побледнел, вскрикнул, и на них с лязгом и грохотом повалилась какая-то огромная стена, возле которой они стояли.

Илмари подскочил на кровати. Рядом немедленно в плечо задышал Филипп.

— Что это?

Из-за ставен и, кажется, снизу доносились вопли и звон. Илмари подхватился с постели, нашаривая в темноте штаны.

— Что это? — настойчиво повторил Филипп.

— Не знаю, — сквозь зубы отозвался Илмари. — Зажги свечу, запри за мной дверь и не смей носа высовывать, пока я не вернусь. Понял?

Илмари рванул к выходу, намереваясь по пути захватить меч из оружейной. Уж что-что, а звуки боя от всех прочих он был способен отличить, да только зачем же пугать унианца? Тот живых разбойников в глаза никогда не видел.

И не увидит, потому что Илмари не даст им ни шанса подняться на второй этаж. Впрочем, вольные люди вряд ли будут рваться наверх — хранилище располагалось в подвале. А они пришли не убивать и не захватывать рабов, а грабить. Права оказалась Мэг.

7.

Сидя в постели, Филипп прислушался к отдаленному лязгу, затем соскочил на пол, подбежал к окну и с трудом отодвинул тяжелые ставни. Но в темноте, да еще полной густого тумана, не было видно ни единого огонька. Да и звуки слышались как сквозь толстый слой синтизола. Все тот же лязг железа о железо и слабые крики.

Тем не менее, сомнений у Филиппа не оставалось: внизу, во дворе крепости, шел бой. Кто на кого напал и зачем, Тьен понятия не имел. Но отсиживаться за дверью было неправильно и страшно.

Филипп в жизни не держал в руках никакого оружия — зачем, если есть охрана? И уж тем более он знать не знал, чем могут сражаться на Варгаре. Копья? Мечи? Арбалеты? Уния поставляла правящему дому Варгара ограниченное количество оружия в обмен на солар, но вряд ли энпидезы попадали в ту глушь, где волею судеб оказался Филипп.

Тьен постоял у двери, затем осторожно приоткрыл створку, прислушался. Все те же крики и лязг, только, кажется, звуки приблизились. Или это только эхо?

Вернувшись к кровати, Филипп натянул штаны, рубаху, надел ботинки. Глупо встречать нападавших голым, к тому же так легко можно спровоцировать насилие.

Подумав о насилии, Филипп тут же вспомнил и об Илмари. Тот выскочил из спальни без оружия — зачем? Объявить нападавшим, что теперь здесь живут члены правящей семьи и потребовать, чтобы убирались вон?

Варгарец не выглядел наивным — значит, помчался защищать крепость.

Никакого особого гарнизона Филипп здесь не видел — так, ерунда, человек тридцать безусых мальчишек, глазающих на принца и его... хм... мужа. Небось считали, им крупно повезло: увидеть столь высоких гостей живьем. А сейчас эти мальчишки сражаются там, внизу. И Илмари вместе с ними... Кажется, Филипп рискует овдоветь раньше, чем планировал отец.

Мысль почему-то не принесла радости. Не то чтобы Тьен успел привязаться к варгарцу или — смешно сказать — полюбить. Но странно оказалось представлять себе, как человек, совсем недавно занимавшийся с Филиппом любовью, может уже лежать на залитых кровью каменных ступенях, глядя в ночь остекленевшими мертвыми глазами.

Филипп зябко обхватил себя руками за плечи. Живое воображение разыгралось не на шутку. А

страх очутиться безоружным и беспомощным лицом к лицу с убийцами был сильнее осторожности и здравого смысла.

С трудом припомнив расположение покоев, Тьен сообразил, что оружейный зал, где он сегодня любовался клинками замечательной работы, ножами, булавами и прочим железом, которое раньше доводилось видеть только в исторических виженах, находится совсем недалеко. Между спальней комнатой и обеденным залом. Наверняка Филипп найдет там что-нибудь подходящее. Во всяком случае, будет чем отбиться от нападения.

В коридоре крики и лязг сделались слышнее. Что-то падало с каменным грохотом, катилось, разбиваясь на мелкие куски. Кто-то визжал на одной ноте. Филипп вдруг подумал: из спальни нет другого выхода и при плохом раскладе он окажется в ловушке. Спасти можно, только если идти вперед по коридору — наверняка там найдется какая-никакая лестница во двор. А уж в темноте и тумане он как-нибудь спрячется.

Дверь в оружейный зал была распахнута. Тьен торопливо осмотрел оружие, развешанное по стенам. Наиболее удобным ему показался один нож, больше смахивающий на короткий узкий меч. Рукоятка удобно легла в ладонь — словно предназначалась для руки Филиппа. Клинок чуть выше основания сужался, затем снова расширялся и заканчивался узким длинным острием. Потрогав его пальцем, Тьен немедленно порезался. Взмахнув ножом пару раз, он убедился, что тот из пальцев не выскочит — рукоятка оказалась шершавой и не скользила в потной от страха и волнения ладони. И хотя Филипп плохо представлял себе, как можно воткнуть острие в живого человека, он не сомневался, что сумеет за себя постоять. В конце концов, в университетской команде по айчболу он играл на месте загонщика, а туда слабаков не брали.

Первый и единственный раненый ему попался прямо за поворотом. Вскинулся, потом узнал Тьена и решительно замахал здоровой рукой, гортанно забормотал, пытаясь что-то объяснить. Другая рука висела плетью, из предплечья торчал железный штырь. Филипп не понимал варгарского, поэтому досадливо поморщился, обогнул раненого и двинулся дальше. Наверное, слуга решил, будто бы Тьен намеревается сражаться. Но объяснить, что ему нужен просто запасной выход, Филипп не мог.

Между тем звуки сражения становились все тише, а когда Тьен наконец добрался до ведущих вниз ступеней, и вовсе смолкли. Досадуя, что никакой другой дороги так и не встретилось, он начал спускаться, планируя обязательно потом объяснить Илмари необходимость второй лестницы. Мало ли — пожар, например, а единственный коридор в пламени и в дыму. Не в окно же прыгать с такой высоты — да на камни.

Внизу царил разгром, хотя людей по-прежнему не было видно. Или здесь никого не убили, или всех погибших и раненых успели унести. Филипп решительно вытащил из держателя на стене чадивший факел и пошел к выходу.

Впереди слышались голоса — еще возбужденные битвой, но уже не тревожные и не испуганные. Да и оружием там вроде бы не бряцали. Филипп даже узнал голос Илмари — тот отдавал какие-то распоряжения.

Против воли Тьен обрадовался: варгарец жив, слава Унии, хоть одна родная душа среди совершенно незнакомых людей. А то ведь и объясниться ни с кем не получится — не учить же этот варварский язык!

И еще почему-то представилось, как они занимаются сексом сразу после боя. Разгоряченный и

забрызганный кровью Илмари, возбужденный и нетерпеливый, заваливает Филиппа в подушки и склоняется над пахом, одним движением забирая член в свой умелый рот. Сглотнув, Тьен негромко выругался, проклиная наргари и дурацкие местные традиции, толкнул тяжелую дверь и вышел во двор.

Первое, что бросилось ему в глаза — тела, которые охранники замка стаскивали за ноги в одну кучу. Кажется, там были не только трупы, но и тяжелораненные. Филипп увидел скребущую землю грязную окровавленную руку, словно человек пытался из последних сил выбраться из-под мертвых, и отвернулся.

Илмари командовал неподалеку, указывая окровавленным мечом, кому куда идти и что делать. Увидев Филиппа, замолчал, затем быстро подошел к нему, твердо схватил за руку чуть выше локтя.

— Я тебе что велел? Сидеть в спальне и не высовываться! Отправляйся назад, немедленно!

Тьен строптиво вырвался. Бой закончился, бояться больше было нечего.

— Я тебе не слуга. Ты не имеешь права мной распоряжаться. С какой стати я должен сидеть там один?

Илмари смотрел на него, прищурившись. В свете факелов его лицо казалось старше, черты резче. Сейчас он был мало похож на изнеженного принца, особенно с мечом в руке, на котором подсыхали багровые разводы. Филипп вспомнил, как впервые увидел Илмари в саду рядом с Миссией и размышлял именно об этом: насколько органично будет смотреться варгарец с холодным оружием в руках. Прошло всего несколько дней, а казалось — полжизни.

— Мне одному было страшно, — вдруг признался он, удивляясь самому себе. Поднял руку, провел пальцами по щеке Илмари, стирая полоску грязи. — Я хотел убежать и спрятаться. Меня не учили драться вот этим, — Тьен продемонстрировал нож. — Я и стреляю-то так себе.

Взгляд Илмари потеплел. Он положил ладонь на плечо Филиппа, погладил, слегка сжал.

— Я потом тебя научу. Против десятка, конечно, не потянешь, но от одного отбиться сможешь, если что.

Где-то сбоку послышались шум, крики, и Филипп обернулся.

Все, что произошло затем, он видел как-то замедленно, словно время остановилось и секунды растянулись в минуты.

Один из пленников — широкоплечий, заросший волосами и неопрятной бородой мужик — вырвался из рук державших его мальчишек и бросился вперед, по пути вырвав у одного из своих охранников оружие. Кто-то кинулся ему наперерез, падая в ноги. Разбойник споткнулся, рухнул на землю, последним усилием швыряя вперед короткое копьё с острым, сверкнувшим в пламени факелов жалом.

Филипп как замороженный смотрел на летящую к нему смерть, не в силах сдвинуться с места. А потом Илмари изо всех сил толкнул его в плечо, Тьен не удержался на ногах, упал, больно ударившись копчиком о камни. И в это мгновение жало копья вошло Илмари в грудь справа, с отвратительным хрустом ломая ребра и разрывая плоть.

Варгарец повернулся, схватившись рукой за древко. С изумлением провел по нему ладонью,

словно не понимая, что произошло, и повалился набок.

Дальнейшее Филипп помнил плохо. В памяти остались какие-то отрывки, обрывки — разрозненными кадрами из вижена. На одном к Илмари бросались люди, поднимали и несли на руках в замок. На другом разбойника рубили мечами, и в стороны разлетались кровавые ошметки. На третьем Филипп сидел у постели Илмари и тряпкой вытирал пузырившуюся на губах кровавую пену. На четвертом он рылся в своей сумке, единственном «приданом», захваченном из Миссии в вертолет — баулы ехали с караваном, — и пытался отыскать там тубу с экстрактом солара...

Были и еще кадры: плачущие женщины, склонившийся над Илмари бледный до зелени лекарь с непривычными для местных соломенного цвета волосами, обломанное жало копья на полу рядом с окровавленным древком, упавший из держателя на стене факел, расплескавший по полу огненные брызги.

Но это запомнилось смазанными нечеткими картинками, потому что все на свете заслоняло белое лицо Илмари с закотившимися глазами, судорожно плясавшая на его шее голубая жилка и сведенные в судороге пальцы, которыми он ухватился за руку Филиппа, когда на мгновение пришел в себя. Ухватился и не отпускал — будто Тьен был единственным, что могло удержать варгарца в жизни.

А затем потянулись одинаковые томительные дни, полные запаха трав, солара, крови и пота. Илмари боролся изо всех сил, и вместе с ним боролся Филипп. Он и сам не понимал — зачем.

Смерть мужа избавляла его от дурацкого навязанного брака, оставляя преимущества члена королевской семьи. При этом никто не упрекнул бы Филиппа в преднамеренном убийстве — нападение разбойников на крепость он не сумел бы спланировать даже при огромном желании.

И все же он не мог представить себе Илмари мертвым. Не мог и не хотел, словно несколько проведенных рядом дней и ночей намертво связали его с упрямым светловолосым красавцем-принцем, который сейчас беспомощно распластался на перинах, выкашливая из себя жизнь вместе с коричневыми ошметками свернувшейся крови.

Филипп практически не отходил от его постели, вглядываясь в мучительно искажавшееся во время кашля лицо, вытирая пот мокрой тряпкой, поднося к губам поильник с водой или бульоном. Конечно, кроме него рядом с Илмари находились сиделки, да и лекарь дневал и ночевал в неудобном кресле, отказываясь покинуть помещение. Но Филиппу казалось: если он делает что-то сам, Илмари становится немного легче.

Потом была кошмарная ночь, когда варгарец едва не умер. Он задыхался, кашлял, хватался слабой рукой то за горло, то за грудь, то за пальцы Филиппа, выплевывал какой-то отвратительно пахнувший настой, которым его пытался поить лекарь, и трясся в ознобе. Это было жутко, до умопомрачения жутко, и Тьен в конце концов плюнул на все, лег рядом, обхватил Илмари руками и прижал к себе, пытаясь согреть.

Он давно уже не задавал себе вопросов, зачем и для чего спит вполглаза и вполуха, мажет драгоценным соларом страшные воспаленные раны между ребер и на спине, не доверяя это лекарю, целует вечером и утром бледный высокий лоб, желая варгарцу шепотом спокойной ночи или хорощего дня.

Просто так было правильно. И он делал это, не вспоминая о том, что муж спас ему жизнь, и не стараясь расплатиться.

В день низкого солнца, который на Варгаре считался переломным днем зимы, Илмари впервые попросил есть. И в этот же день, только немного позже, Филипп наконец-то узнал, кем на самом деле является лекарь, которого в крепости почтительно именовали Мастером-целителем.

Наверное, можно было догадаться и раньше — по цвету волос, по горькой складке у губ, по нежности, с которой лекарь касался лежавшего без сознания Илмари. Но Филипп в эти месяцы обращал мало внимания на других людей. Когда переставший наконец-то бредить варгарец окончательно пришел в себя, имя лекаря тут же сорвалось с его губ.

— Кини?

Филипп старался не ревновать. Да он и представить себе не мог, что вообще способен злиться на одного мужчину из-за другого мужчины. Но после всего пережитого Илмари должен был принадлежать только ему, Филиппу Тьену, а не желтоголовому ссыльному лекарю, варившему дурно пахнувшие отвары и примочки.

Чтобы не расстраиваться, Филипп уходил из спальни на время перевязок и бродил по крепости. Он научился общаться с местными за это время — жестами, сотней выученных по необходимости слов. Да и Кини, знавший космолингв, нередко служил переводчиком. Во всяком случае до тех пор, пока Филипп не узнал, кто он.

Больше всего бесило то, как отвратительно нежен и ласков делался Илмари рядом со своим первым любовником. Старался прикоснуться, заговорить, удержать рядом. В такие минуты Филиппу хотелось сделать что-нибудь страшное. Например, выкинуть Кини в окно. Или ударить тем самым клинком, снятым со стены оружейного зала в ночь нападения. Его Тьен на место не вернул — нашел подходящий пояс с ножнами и теперь ходил вооруженным, как бы смешно это ни выглядело.

Впрочем, сам он пожаловаться на невнимание мужа, положив руку на сердце, не мог. Когда Илмари пошел на поправку, их общение перешло на какой-то иной уровень — более близкий, более интимный. Филипп часами рассказывал варгарцу об Унии, ее обычаях, традициях, достижениях.

За время болезни Илмари караван из столицы успел добраться до Барнаби, и Тьен, покопавшись в своих вещах, выудил голографическую камеру со снимками. Он всегда таскал ее с собой, Варгар не стал исключением, и Филипп с удовольствием показывал мужу виды Луна-сити, Землю, висевшую над Луной голубовато-зеленой круглой лампой, купола колоний Марса, подземные города Меркурия, энергетические станции Венеры, лаборатории вокруг Сатурна и Юпитера на огромных искусственных спутниках.

Илмари смотрел, затаив дыхание, и время от времени неожиданно сильно сжимал пальцы Филиппа — то ли от волнения, то ли от восторга. Тьен даже полюбил такие вечера, когда на столе дымились пироги с мясом морской змеи, в кубках алело молодое подогретое вино со специями, а в камине уютно трещали поленья.

Ему все чаще приходили в голову мысли о сексе. Измученный раной и болезнью Илмари был пока ни на что не годен, а Филипп изнывал от отсутствия нормальной разрядки. Сначала он слишком уставал, к тому же запах крови и лекарств не способствовал возбуждению. Но когда времени стало больше, проблем меньше, а супруг перестал походить на умирающего, с каждым днем прибавляя сил, — проснулись желания тела.

Филипп закрывался в умывальной комнате и дрочил там, прижавшись лбом к каменной стене.

Поначалу он даже в фантазиях не нуждался — стоило провести по члену, и сперма выплескивалась на пальцы горячей струйкой. Потом движений стало не хватать. Филипп пытался думать о женщинах, но в голову лезли только местные неумытые и пропахшие рыбой и водорослями красотки. И очень скоро основной темой фантазий стал Илмари. Тьену достаточно было только вспомнить, как варгарец наклонялся поцеловать его живот, и член тут же начинало распирать от прилива крови.

Конечно, Филипп понимал, насколько неуместны сейчас любые разговоры о сексе, не говоря уже о действиях. Но все чаще, лежа рядом с хрипло дышащим Илмари, даже во сне старавшемся не отпускать руку мужа, Тьен разглядывал его четкий красивый профиль, сильную шею, покрытую едва заметным золотистым пушком грудь, перетянутую повязкой, и осторожно касался губами то разметавшихся по подушке волос, то влажного плеча. И тайно, смутно мечтал о том дне или о той ночи, когда сможет сделать это, не скрываясь.

8.

Дни тянулись, как тягучее томное пойло.

Илмари изнывал от безделья. Он не привык столько лежать. Пусть в Нароби у него не было ежедневных обязанностей, но уж еженедельные находились точно, и это не считая приемов и балов. А еще у него всегда оставалась возможность помахать тупыми мечами в тренировочном бою, охота и зарги. Ну и секс, разумеется.

А тут — сменяющие друг друга за окном серость и темнота, питание по часам, перевязки и постоянная ноющая боль в боку, надоевшая до оскомины. Радовало только, что кровью он больше не харкал и кашлял гораздо меньше.

Единственными развлечениями служили книги да беседы с Тьеном. Тот оказался неплохим рассказчиком, а уж когда увлекался — Илмари заслушивался его историями о жизни унианцев. Все у них там было любопытным, завораживающим, чужим. Вижены, киборги, диковинные средства передвижения, электронные панели желаний — непонятная сказка, в которой жил Филипп, считая ее обыденностью, где тысячи судеб решались нажатием одной кнопки...

В такие моменты Илмари едва ли не начинал гордиться тем, какой муж ему достался. Принадлежащий к такой могучей расе. Он протягивал руку и сжимал ладонь Филиппа в своей, безмолвно благодаря. Тот никогда не возражал, словно бы и не замечал вовсе. Это сбивало с толку.

Собственно, сбивало с толку все с самого начала: для чего Филипп вообще его вытащил? Мог спокойно позволить ему умереть — никто ведь понятия не имел, что в вещах унианца припрятан экстракт солара. Никто бы не упрекнул. А Фидали Нароби Илмари сейчас уже мог бы вернуться в столицу молодым и прекрасным вдовцом, всегда желанным гостем во дворце... Может быть, он не знал, что Отари его одного примет с распростертыми объятьями? Да вряд ли. Должен был догадываться...

А он тем временем торчал тут, проводя порой часы у ложа больного и безропотно укладываясь в его постель по вечерам. И не выказывал никакого недовольства своим положением, довольствуясь тем малым комфортом и скудными развлечениями, которыми располагал Барнаби.

— Ты скучаешь по Луна-сити? — однажды спросил Илмари.

Тьен сначала вспыхнул, но затем удержал готовое сорваться «да» — Илмари буквально почувствовал это кожей, невольно стискивая его пальцы. Потом ненадолго задумался и, наконец, сказал:

— Не знаю, — и, встряхнувшись, добавил: — Привык как-то тут, — он обвел взглядом комнату и усмехнулся. — Самому удивительно.

Илмари только согласно кивнул. Ведь ему тоже было удивительно — с какой стати он шагнул под летящее копьё, выталкивая из-под удара Филиппа? Мгновенный порыв? Прихоть? Привычка защищать и оберегать окружающих?

В случае гибели мужа у Илмари Нароби Фидали также появлялась надежда вернуться на прежние позиции — в относительный комфорт дворца, к привилегиям своего положения. А то и — над чем саи не смеются — восстановить права на престол. В конце концов, официально отец его отречения не проводил, напротив, у всех на виду признал брак и законного супруга.

Так что надежда даже не являлась беспочвенной. А уж там, на своей территории, Илмари сумел бы отомстить — и брату, и коварному Бодари, и всем прочим, кто спал и видел его изгнанным...

Но вместо того чтобы смиренно ждать, когда Тьен без всяких усилий с его стороны так удачно испустит дух, Илмари постарался его спасти, подставляясь сам.

Проникся симпатией после нескольких занятий сексом?

Чушь. Е-рун-да.

Сексом в своей жизни Илмари занимался много раз. Но никогда не влюблялся. Принцы не влюбляются. Даже в супругов. Время наргари дает политическим союзам детей, и на том они благополучно распадаются, внешне оставаясь безупречными.

Сбивало с толку и поведение Кини, навевывавшегося раз в два-три дня, а потом — раз в неделю.

Бывший любовник был молчалив, на вопросы отвечал односложно, время от времени бросал непонятные взгляды на Филиппа, а все попытки Илмари как-то сблизиться напрочь игнорировал. Принц чувствовал себя виноватым и старался разговаривать с ним ласково, почти нежно. Ведь хотя провинились тогда они оба, Илмари отделался легким испугом, а Кини навсегда был удален от двора и сослан в такую дыру, как Барнаби. Где и торчал все эти долгие сезоны, пока Илмари продолжал получать полагающиеся по праву рождения блага. И пусть сейчас они оказались практически в равном положении, Илмари хотелось скрасить произошедшее, наверстать упущенное время хотя бы добрым отношением. В конце концов, они могли стать друзьями...

И он упорно пытался пробиться к Кини. Каждый раз приветливо улыбался, когда тот появлялся в дверях, старался разговаривать, невзначай притрагивался... Но тот бесстрастно разматывал повязки, проводил осмотр, ощупывая холодными пальцами заживающую рану, накладывал повязки снова, делал очередные назначения и уходил все такой же неприступный. Словно между ними никогда ничего не было.

А Филипп все чаще удалялся на время его визитов из комнаты, деликатно не мешая лекарю выполнять свою работу. И потом обычно долго не возвращался — до самой темноты...

Когда Кини наконец-то разрешил ему встать, Илмари едва с ума не сошел от радости. Четыре стены надоели ему до зубовного скрежета. Но вскочить и тут же побежать не получилось — ноги дрогнули, закружилась голова... Кини подхватил его и повел, держа за талию. А Илмари обнимал его за шею и чувствовал только слабость. Хотя нет — к всеобъемлющей слабости, несмотря ни на что, примешивался восторг.

Он выжил! И в будущем мог стать здоровым, как прежде: ходить, участвовать в скачках, заниматься любовью с Филиппом...

Последнее, кстати, как-то особенно будоражило кровь.

В эту ночь он крепко притиснул к себе супруга, не думая, что причиняет себе боль. Хотелось почувствовать его близко-близко, прижав спиной к своей груди. И пусть возбуждение не посетило Илмари в должной мере, но, потираясь пахом о задницу Филиппа, волнительную пустоту внизу живота он ощутил, что могло означать только одно: желания тела возвращались вместе со здоровьем, и он хотел своего унианца по-прежнему.

Теперь дни потянулись веселее. Илмари заново осваивал искусство ходьбы. И одной из побед стало успешное путешествие до гостиной, где вот уже долгое время ожидало его письмо от тетки. Принесенное корхом, оно пришлось на самые тяжелые дни его болезни, пергамент, по-видимому, бросили на стол, да так там и забыли. Филипп, даже если и видел, прочитать все равно не мог, а передать варгарцу или не подумал, или не захотел.

Илмари упал в кресло и, отдышавшись, распечатал заждавшуюся весточку. Читая разные придворные глупости, которыми тетка пыталась его развлечь, подумал внезапно, что та действительно его любит — как ребенка, которого сама никогда не имела. Ведь она оказалась единственной, кто выразил желание с ним связаться. Отец же, по-видимому, решил раз и навсегда вычеркнуть его из своей жизни. Впрочем, Илмари не сомневался: если однажды возникнет такая надобность, Отари о нем вспомнит. Вернее, о них с мужем.

В самом конце свитка тетка вскользь сообщала, что Бодари, как и раньше, большую часть времени проводит во дворце. Только теперь не отходит от Исмари, тенью сопровождая его везде.

Илмари горько усмехнулся. Это уже не являлось откровением: еще во время свадебного бала из обрывочных реплик Пелари он вычленил, что действительной целью Бодари, толкавшего его сблизиться с унианцем, было подставить не Тьена, а самого Илмари. Никто, правда, не ожидал такого исхода дела, как целое блюдо наргари, преподнесенное принцу. Однако по откровенной радости Исмари нетрудно было заключить, что для них с Бодари это оказалось подарком судьбы.

Что ж, власть и богатство исковеркали немало человеческих отношений. Вот и еще один пример. Нет в жизни принца места ни родственным отношениям, ни дружбе, ни любви...

В этот момент в гостиную вошел взволнованный Кини со своим сундучком в руках.

— Вот ты где, — облегченно выдохнул он, увидев его. — Я разве разрешал тебе выходить? Достаточно пока того, что ты встаешь.

— Мне скучно, — ответил Илмари, откладывая письмо. — И я устал разглядывать убранство спальни. К тому же я нормально себя чувствую.

Тем не менее, Кини заставил его подняться и осмотрел.

— Что ж, — наконец заключил он. — Пожалуй, ты прав. Пришло время небольших прогулок. Но только — прошу тебя — не переутомляйся. Думаю, постоянный присмотр лекаря тебе больше не нужен, но время от времени я заглядывать буду.

— Ладно, — кивнул Илмари. И видя, что тот собирается уходить, ухватил за рукав туники. — Подожди. Разве мы не должны поговорить?

— О чем? — Кини аккуратно высвободился.

— Может быть, о прошлом?

— Я давно его забыл.

— А я помню, — упрямо сказал Илмари. — Разве нам не было хорошо вместе?

— Но еще лучше оказалось по отдельности, — осклабился Кини.

— Я действительно понятия не имел, куда ты делся, — твердо ответил Илмари. — Мне никто не хотел говорить.

— Ну а сказали бы — что изменилось? — пожал плечами Кини. — Ты бы никогда не пошел против отца. Не знаю, на что рассчитывал Бодари...

Знакомое имя, которое Илмари никак не ожидал услышать, насторожило:

— Бодари? — переспросил он.

— А ты до сих пор не знаешь? — усмехнулся Кини. — Подложить меня в твою постель — его идея. Именно он заметил, что ты украдкой заглядываешься на мужчин. А Исмари указал на меня — мол, вот на него брат точно поведется.

— Так ты... — Илмари говорил медленно, тщательно подбирая слова, — ты... не сам тогда? Тебе что... заплатили?

— Заплатили, — согласился Кини. — И очень прилично. Так что моя семья до сих пор обеспечена всем необходимым, — он глянул на обескураженного принца и, видимо, пожалел.

— Да ты не расстраивайся, Ваше Высочество. За меня можешь не переживать. Ты был не так уж плох в постели, и я сполна получил свою долю удовольствия.

— Я и не... переживаю, — с трудом выдавил Илмари.

— Ну да, — усмехнулся Кини. — То-то, я смотрю, с тех пор, как пришел в себя, все меня обихаживаешь. Никак, супруга тебе маловато? Или он не особенно страстен, раз на старых любовников потянуло?

Вот тут Илмари не выдержал и, коротко размахнувшись, ударил по самодовольному лицу. Кини вскрикнул и закрылся руками.

— Уходи, — процедил Илмари. — И чтобы духу твоего здесь не было. Я думал, с тобой можно, как с человеком...

Кини опустил руки, продолжая улыбаться несколько криво:

— Особы королевской крови не обращаются с остальными, как с людьми. И никого, кроме себя, не любят. И ты не исключение. Ты несколько сезонов не вспоминал обо мне.

В чем-то он был прав, конечно. Если бы Илмари по-настоящему захотел — он наверняка сумел бы выведать, куда именно сослали его бывшего любовника.

— Но, знаешь, я не в обиде, — продолжил тот. — Особенно теперь, когда твоим родственникам все-таки удалось тебя свалить... Добро пожаловать в мой мир, Ваше Высочество, — он насмешливо поклонился.

— Я всего лишь хотел извиниться, — покачав головой, сказал Илмари. — И чтобы мы стали друзьями.

— Это на тебя так подействовала ссылка? — Кини вздернул брови в неискреннем удивлении. — Или рана? Принцы никогда не извиняются.

— Пошел вон, — устало велел Илмари, падая обратно в кресло. — Не могу больше на тебя смотреть.

— Истинно королевская благодарность за исцеление, — иронически согласился Кини, поднимая свой лекарский сундучок. — Было сущим удовольствием вас лечить, Ваше Высочество. Не болейте больше. Но если вдруг — приглашайте. Я тут неподалеку, в поселении, — с этими словами он скрылся за дверью.

Илмари остался в гостиной один, задумчиво глядя на огонь, пляшущий в очаге. Светильники потрескивали на стенах, неровно освещая колышущиеся от сквозняков гобелены. А в душе, как и за пределами дворца, сгущались сумерки.

Ни родственных связей. Ни дружбы. Ни любви.

Только взаимовыгодные временные союзы, сделки и секс под наргари.

Отличные перспективы. И, что самое странное, раньше они ведь его вполне устраивали. Так что же, действительно, его изменило: ссылка или рана? Рана или ссылка?..

И только вечером в спальне, когда пропадавший где-то вторую половину дня муж устроился под боком и Илмари уже привычно обхватил его, прижимая к себе, с удовольствием ощущая исходящий от Филиппа запах свежести, подумалось: а, может быть, все сразу — и ссылка, и рана, и вот он — виновник его нынешнего положения?

Пальцы сами зарылись в темные отросшие волосы, притягивая голову ближе, а губы накрыли внезапно мягкий и отзывчивый рот супруга. Поцелуй вышел долгим, до умопомрачения нежным, словно оба боялись причинить друг другу боль. Языки не боролись — оглаживали друг друга, зубы не кусали, а лишь слегка пощипывали.

— Я соскучился, — шепнул мужу Илмари, когда поцелуй завершился.

— Утром же виделись, — тихо ответил Филипп. — И обедали вместе.

— Я все равно соскучился, — и придвинулся ближе, чтобы унианец ощутил, как сильно он скучал.

— О! — протянул Филипп, которому в ногу уперлось весомое доказательство. — Ты вон в каком

смысле.

— И в этом тоже, — согласился Илмари и резко выдохнул, потому что ладонь Филиппа заскользила по его телу вниз, потом вернулась к груди.

— Думаешь, нам стоит попробовать? — Филипп облизнул ставшие вдруг сухими губы.

— Я хочу, — Илмари ткнулся носом ему в шею. — Я ужасно тебя хочу. Но не уверен, что...

— Ладно, — Филипп рывком приподнялся, — ложись на спину, сейчас все решим.

Илмари с готовностью повернулся, Филипп сдернул с него покрывало, отправив его куда-то в ноги, и аккуратно пристроился сверху, начиная покрывать тело поцелуями. Каждый заставлял Илмари вздрагивать, место, которого касались губы мужа, немедленно принималось гореть, а когда унианец осторожно притронулся к свежему шраму — принц не выдержал и вскрикнул.

— Больно? — тут же поднял голову Тьен.

— Нет, — замотал головой Илмари, — нет-нет, продолжай...

К тому моменту, когда унианец наконец-то соизволил добраться до члена, Илмари думал, что рехнется от неудовлетворенности. Он забыл о том, что еще слаб. О том, что у него что-то болит. Все, чего он хотел — это немедленно, немедленно засунуть куда-нибудь (и желательно в Филиппа) свое горящее естество и получить разрядку. Он несколько раз сам пытался ухватиться за член, но каждый раз его руки отталкивали, требуя:

— Не мешай!

И когда, наконец, это случилось — вокруг члена сомкнулись твердые теплые губы, — Илмари закричал и кончил после пары сосательных движений, не успев даже предупредить супруга.

— Прости, — немедленно извинился он и, видя, как тот сморщился, не решаясь проглотить семя, добавил: — Выплюнь. Я не должен был так делать.

Филипп согласно кивнул и свесился с кровати.

— Просто мы так давно не занимались сексом, — попытался оправдаться Илмари.

— Ну, кто-то был несколько занят, умирая, — заметил Филипп, укладываясь рядом и обнимая за пояс. Его член мокро коснулся бедра Илмари.

— Да уж, — согласился Илмари. — А кто-то, судя по всему, учился танцам? — он принялся неторопливо поглаживать шею мужа.

— А? — недоуменно переспросил Филипп.

— Ну, ты же обещал сплясать на моей могиле, — напомнил Илмари, поднимаясь, толкая его на спину и присаживаясь на колени между бедер. — Так что тебе следовало развивать этот навык, — говоря, он ласкал живот и бедра супруга, неотрывно глядя на налитый кровью член. Потом перевел взгляд на самого Филиппа, смотревшего на него в ответ со знакомой смесью тревоги и желания. Грудь унианца тяжело вздымалась, пальцы комкали простыню. — Только скажи мне честно: это наргари? — Илмари указал на напряженный ствол и истекающую соком нежно-розовую головку.

— Нет, — помотал головой Филипп. — Это я.

Улыбнувшись, Илмари наклонился вперед, одним глотком забирая его член в рот до основания.

9.

В день, когда на сусари, росшем под окнами спальни, раскрылся первый розовый бутон, Илмари впервые сел на зарга. Филипп велел оседлать для него Лума, наиболее спокойного из всех, чалого, с огромными рогами в четыре оборота. Сам он привык ездить на Чире — буром тяжеловесе с мохнатыми бабками и коротким, словно обломанным хвостом.

— Никаких скачек, — твердо сказал Тьен недовольно скривившемуся мужу. — Медленно и аккуратно. Дорога еще слишком скользкая после последнего шторма.

Чувствовалось, что Илмари очень хочется возразить, но Филипп не собирался идти на поводу у капризов варгарца. Не хватало еще после полугода борьбы за его жизнь закончить все труды сломанной шеей или помятыми после падения ребрами.

Они спустились по каменистой дороге вниз, на берег, и двинулись неспешным шагом вдоль линии прибоя. Зима оставила на узкой полосе песчаного пляжа гниющие водоросли, обломки деревьев, наносы круглой гальки. Под самой скалой валялась туша тротта, основательно растерзанная птицами и мелким хищным зверьем, нередко спускавшимся из леса к берегу в поисках поживы.

С океана порывами налетал сырой весенний ветер, волны покачивали лодки в бухте, и до Филиппа доносился глухой стук деревянных бортов о причал. Илмари ехал чуть впереди, глубоко вдыхая всей грудью соленый воздух, пропитанный запахами водорослей и рыбы. Потом неожиданно закашлялся, и Филипп, торопливо сняв с пояса баклажку с водой, протянул ее мужу.

— Устал?

— Отвык, — помолчав, ответил Илмари. — Зачем вчера прилетал Дюваль?

— Навестить, — Филипп пожал плечами. — Он как бы отвечает за меня перед отцом. Спрашивал, не нужно ли нам здесь чего-нибудь особенного. Я заказал кое-что — так, по мелочи. Ну, там... пасту для бритья, пасту для зубов, шампуни, лосьоны. Лекарства кое-какие попросил, а то Мэг часто жалуется на сердце. Кини спрашивал, нельзя ли несколько новых скальпелей и антисептика побольше.

— Хозяйничаешь, — Илмари ухмыльнулся. — Да, шампуни и лосьоны — это хорошо.

За время болезни он пристрастился к тем гигиеническим средствам, которые использовал Филипп. Теперь в их умывальне на каменной полке стоял десяток разноцветных флаконов и тюбиков, но запас за полгода истощился, а возвращаться к местному жидкому мылу и примитивной парфюмерии обоим не хотелось категорически.

Илмари остановил зарга, спешился, поднял что-то с мокрого песка.

— Смотри, водяная слеза.

Филипп тоже слез, взял из рук мужа потемневшую треснувшую раковину. Половинки легко

раскрылись. В сгнившей мякоти моллюска тускло блеснул на весеннем солнце крупный голубовато-розовый шарик размером с яйцо корха.

— Ого, — не удержался Филипп. — Большая.

Илмари положил свои пальцы поверх пальцев Тьена, сжал.

— На счастье, да?

Притянул к себе, обнял за пояс, заглянул в глаза.

— Я боялся, ты улетишь с Дювалем. Здесь такая тоска, край мира. Если подумать, тебя здесь ничего не держит. Время наргари давно истекло и ты вправе распоряжаться собой по своему желанию.

— М-да? — Филипп задумчиво прикрыл глаза. — А почему мне никто об этом не говорил? Что я обязан быть с тобой только время наргари?

— Я говорил, — Илмари погладил его по спине. — Что мы обязаны с тобой тридцать восходов есть наргари и заниматься любовью. А потом... ну, только если очень захочется.

— Допустим, мне хочется, — Филипп улыбнулся и запустил обе руки под теплую меховую куртку варгарца, погладил крепкий зад, слегка сжал. — Мне хочется заниматься с тобой любовью, потому что наше время наргари уложилось всего в три восхода. Или в четыре? В общем, оно оказалось нетрадиционно коротким, а традиции нарушать нельзя.

Губы Илмари были сухие и обветренные, но от этого целовать их не становилось менее приятно. Даже кровь, просочившаяся из крохотной трещинки, казалась сладкой, как варенье из лабилии. И пьянящей, как голубое вино из нее же.

Они целовались на океанском ветру под пронзительные крики саев, круживших над волнами, под стук лодок о причал, под вздохи заргов, переминавшихся рядом. Порыв ветра сорвал с головы Илмари капюшон, светлые волосы рассыпались, забились, словно живые, и Филипп прижал их ладонью, пропуская сквозь пальцы легкие пряди.

— Поехали в замок, — задыхаясь, предложил он варгарцу, покрывавшему его лицо короткими быстрыми поцелуями. — Здесь слишком холодно, чтобы раздеваться.

Дорога к крепости показалась им бесконечной, хотя нетерпеливо понукаемые зарги перешли в конце концов на тряскую рысь. Бросив их на попечение слуг, Филипп и Илмари торопливо поднялись в покои, по дороге скидывая с себя куртки, теплые шарфы из пуха саев, перчатки, меховые сапоги.

Невероятно много усилий понадобилось, чтобы дотерпеть до постели, а не наброситься друг на друга прямо посередине какого-нибудь коридора. Если бы не королевское достоинство, о котором Илмари как-то еще помнил, Филипп ввалился бы в первый попавшийся зал, наплевав на слуг и отсутствие удобств.

Остатки одежды они сдирали торопливо и в молчании, сталкиваясь руками, губами, коленями, не в силах перестать целоваться и прикасаться друг к другу. Дернув Илмари на себя, Филипп повалился спиной на перину, прижал к себе варгарца, хватая его за возбужденный член, обнимая другой рукой за бедра. Перекатился, подмяв мужа под себя, заглянул в темные, воспаленно блестящие глаза.

— Ты готов вспомнить, как это было сразу после возраста тау?

— Принцы не бывают... — начал было Илмари, но Филипп прижался к его губам — требовательно и жестко.

— Я знаю. Но я ведь тоже теперь принц, хотя и консорт. А тебя лишили права наследования, так что мы в равном положении.

— Я слишком слаб, чтобы взять свое силой, — Илмари улыбнулся, пропустил отросшие волосы Филиппа между пальцев. — Ты безумно красив, унианец, ты это знаешь? Особенно сейчас.

— Мне говорили, — Тьен усмехнулся, нежно коснулся губами уголка рта мужа. — И я не хочу силой. Давай будем делать это по взаимному согласию?

Встав на колени рядом с Илмари, он положил руку себе на лобок, приподнимая возбужденный член.

— Видишь? Это я. А это ты, — он ласково погладил не менее возбужденный член мужа. — Никакого наргари, никакого насилия. Только то, что мы оба хотим.

Илмари согласно прикрыл глаза.

— В конце концов, любые обычаи созданы, чтобы их нарушать, — пробормотал он.

Филипп смотрел на него еще мгновение, а затем наклонился, целуя грудь. Прошелся языком по соскам, взял один из них в рот, осторожно сжав зубами и вызвав горячую волну желания, от которой Илмари вздрогнул всем телом. Его руки огладили варгарца по ребрам, вернулись и скользнули к плечам, прошлись по предплечьям к запястьям.

Спускаясь все ниже, Филипп добрался до вздрагивающего от возбуждения живота, на мгновение прижался к нему щекой. Затем лизнул головку, пощекотав отверстие на самом конце. Илмари задохнулся, вцепившись пальцами в предплечья Филиппа, а тот уже забрал в рот почти весь член, облизывая, оглаживая горячим влажным языком, сжимая чувствительную плоть губами, заставляя варгарца стонать и выгибаться.

Конечно, у него совсем не было опыта — все, что он знал, Тьен испытал на себе. И поэтому готовил Илмари так долго и осторожно, что тот под конец едва не бесновался от возбуждения. Ухватился за резную спинку кровати, поджал к животу ноги, предлагая себя в такой откровенно-бесстыдной позе, которую, наверное, и представить себе раньше не мог.

— Ну давай же! Филипп!

У Тьена дрожали колени — то ли от страха, то ли от желания. И руки дрожали, и внутри дрожало тоже. А весь мир сосредоточился между бледных гладких ягодич варгарца, где темнело едва приоткрытое, обильно смазанное ароматическим жиром отверстие ануса.

Головка скользнула в расступившееся кольцо почти без усилия, Илмари застонал — протяжно, на одном выдохе, судорожно сжав пальцы вокруг перекладины. Филипп вцепился в его ноги под коленями, раскрывая еще шире, входя глубже, еле сдерживаясь, чтобы не дергать бедрами. Он едва-едва мог управлять собой, каким-то дальним участком разума понимая, что требуется осторожность — именно сейчас, в самые первые минуты.

Чужая горячо пульсирующая плоть обхватывала его член так плотно, словно Филипп двигался

в какой-то густой инертной массе, нехотя раздававшейся под напором.

— Ах-х-х, — низкий задушенный стон Илмари вернул его к действительности.

Филипп положил одну руку ему на член, ласково провел по всей длине, сжал мошонку, коснулся влажной промежности. И начал осторожно двигаться вверх-вниз, с каждой фрикцией выбивая из варгарца восхитительно-страстные стоны, от которых сердце проваливалось куда-то в пах или даже еще ниже.

Илмари оторвал руку от спинки, ухватил Филиппа за шею, притягивая к себе. Смотрел сумасшедшими, мутными от страсти глазами, облизывал пересохшие губы, тянулся поцеловать — и Тьен мог поклясться всеми сверхновыми всех Вселенных, что никогда в жизни не видел ничего более прекрасного и не испытывал ничего более потрясающего.

— Это ты, — прошептал ему Илмари за мгновение до того, как оргазм выгнул его на постели, заставляя хрипеть и вздрагивать всем телом.

— Это ты, — выдохнул Филипп, жмурясь и падая в восхитительно глубокую разноцветную бездну наслаждения.

— Ты обалденный, — благодарно пробормотал Филипп позже, когда они немного пришли в себя.

— Что ж, — самодовольно отозвался Илмари, по-хозяйски обхватывая его за талию, — похоже, я действительно неплох. Для варвара, который живет только благодаря своему дерьму.

Несколько секунд в спальне стояла тишина, а потом Филипп фыркнул, и чуть погодя они смеялись вместе, в голос, столкнувшись лбами и тиская друг друга за задницы.

«... Думаю, отец, мое неожиданное вдовство спустя всего несколько лет после свадьбы может вызвать закономерные вопросы у правителей Варгара. Семья Отари отличается завидным здоровьем и долголетием, а в свете открытых свойств солара наши компаньоны неминуемо заподозрят преступление.

Без сомнений, разрыв отношений абсолютно противоречит интересам нашего концерна и мы не вправе идти на такой риск. Поэтому намного разумнее, на мой взгляд, предоставить ситуации развиваться своим чередом. Кроме того, нужно смотреть в будущее — после своего брата Илмари остается единственным законным претендентом на трон Нароби. С нашими знаниями и нашей поддержкой это более чем возможно, тогда как я, в случае вдовства, своих прав заявить не смогу.

В хранилищах Банка Наследников имеется достаточное количество моей спермы, чтобы ты мог оплодотворить ею выбранную тобой женщину, способную выносить, родить и выкормить моего ребенка или — как вариант — моих детей. Я бы хотел, чтобы такой женщиной стала какая-нибудь высокая стройная блондинка с темными глазами. Таким образом наш род будет продолжен, а отношения с Варгаром — сохранены в полном объеме.

Надеюсь, мы с Илмари года через три-четыре посетим Унию. Я бы хотел приобщить его к благам и знаниям нашей цивилизации — он этого достоин.

Я уверен — он тебе понравится, отец, и ты отнесешься к нему со всем уважением.

С любовью, твой сын

Филипп Тъен (Фидали Нароби Илмари),

бэка'т Пятого года Третьего столетия Космической эры,

замок Барнаби»

mir-knigi.org